

ДРУГИЕ
МИРЫ

Ольга Куно

ОПАЛЬНЫЙ КАПИТАН

СПАСТИ НОВУЮ ЗЕМЛЮ

Другие Миры (АСТ)

Ольга Куно

**Опальный капитан.
Спасти Новую Землю**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Куно О. А.

Опальный капитан. Спасти Новую Землю / О. А. Куно — «АСТ»,
2018 — (Другие Миры (АСТ))

ISBN 978-5-17-108344-1

Патрульный звездолет «Галалэнд» готов к вылету. Пилот просчитывает курс, бортовой врач отпускает ехидные шуточки – все идет своим чередом. Но капитана корабля внезапно арестовывают: Рейер Макнэлл обвиняется в убийстве собственной жены... Но так ли все просто, как кажется на первый взгляд? Быть может, совершенное преступление – лишь верхушка айсберга? И теперь под угрозой не только будущее опального капитана, но и целой планеты.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108344-1

© Куно О. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	5
Часть 1	11
Глава 1	11
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	37
Глава 5	44
Глава 6	52
Глава 7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ольга Куно

Опальный капитан. Спасти Новую Землю

Пролог

За три часа до вылета из космопорта приписки патрульный космолет ВБС¹ чрезвычайно напоминал муравейник. Все пребывали здесь в постоянном движении, и, невзирая на то, что движение это казалось со стороны беспорядочным, в действительности каждый член экипажа и работник космопорта в точности знал свою цель. Грузчики переправляли последние контейнеры с провиантом, предметами первой необходимости и техническим оборудованием; механики скрупулезно проверяли готовность корабля к полету и надежность каждого винта; радисты надоедали своим стационарным коллегам вызовами по всем каналам, а системные администраторы... эти, как и всегда, были погружены в мир компьютеров.

Старпом, пытавшийся уследить за всем одновременно, ненадолго возвратился на капитанский мостик, дабы выпить пару глотков кофе, а заодно выяснить, как идут дела у работающих там специалистов. Вопреки названию он не имел ничего общего с мостом, да и предназначен был, мягко говоря, не для одного капитана. Это был просторный круглый отсек с рабочими местами для полторы дюжины членов экипажа, ответственных за разные сферы патрульной службы. Кто-то еще успел подняться на борт, а другие были заняты размещением в личных каютах.

Томас Дебург, старший помощник, направился ко второму пилоту (не характерно ли, что тот прибыл на службу раньше, чем первый?) и главному системщику.

– Кофе? – сразу же предложил последний, вынырнув из глубин мало понятной Дебургу голограммы.

Этот парень, пребывая в дебрях своего компьютерного мира, каким-то непостижимым образом умудрялся одновременно отслеживать краем глаза все, что происходило на корабле.

– Не помешает, – буркнул старпом.

Системщик с понимающей ухмылкой активировал с десятков сенсоров виртуальной клавиатуры, посылая заказ кофеварочной машине. Вот, спрашивается, зачем это делать, когда до самой машины достаточно пройти всего три шага? Но у представителей каждой профессии свои причуды.

– Капитан еще не появлялся? – спросил Дебург, плюхаясь в крутящееся рабочее кресло с удобной спинкой.

– Вроде бы нет. – Проводивший расчеты пилот на миг поднял глаза от экрана.

– Понятно.

Старпом вздохнул. Рейер Макнэлл, капитан «Галалэнда», не считал необходимым прибывать на звездолет раньше прочих членов экипажа, но зато с момента вылета, следовало отдать ему должное, полностью посвящал себя работе. Тем не менее Томас предпочел бы видеть со стороны начальства более традиционный подход к службе. Впрочем, стоит ли обманывать самого себя? Просто в свои сорок пять тяжеловато порой смотреть на тридцатишестилетнего капитана, сумевшего достичь карьерных высот, которые для самого старпома, скорее всего, так и останутся не более чем мечтами. Отсюда и повышенная склонность к критике.

– Вот и он, легок на помине! – вырвал Дебурга из размышлений пилот, расплывшийся в радостной улыбке.

¹ ВБС – военно-безвоздушные силы.

И правда, через послушно отъехавшую в сторону дверь в помещение бодрым шагом вошел Макнэлл.

– Капитан на мостике! – возвестил радист, наклонившись к микрофону, и вновь отключил громкую связь.

– Всем мирного неба! – Макнэлл воспользовался традиционным для космофлота приветствием.

– Мирного неба! – стройным хором откликнулся экипаж.

– Представить вам подробный отчет, сэр? – спросил, поднявшись, Дебург.

– Позже. – Капитан пожал ему руку и, дав знак садиться, опустился в собственное кресло. – Есть что-нибудь, требующее моего срочного вмешательства?

– Нет, – старпом снова позволил себе немного расслабиться, – пока все в рамках нормы.

– Ни секунды в этом не сомневался. Иначе не застал бы вас здесь. – Макнэлл весело подмигнул и, повернувшись вместе с креслом ко второму пилоту, спросил: – Курс проложил, Джереми?

Должность штурмана на подобных кораблях давно уже упразднили, объединив ее с обязанностями пилота. К излишней загруженности это не приводило, поскольку основную работу выполнял бортовой компьютер. От человека же главным образом требовалась проверка результатов, утверждение окончательной программы и – в случае необходимости – принятие нестандартных решений.

– Так точно, сэр! – отрапортовал юный специалист. – Но есть вопрос.

– Давай.

Джереми пробежал пальцами по сенсорному экрану, и в воздухе возникли два голографических изображения карты звездного неба с пунктирными линиями, обозначающими предполагаемые маршруты.

– Первый вариант, – пилот кивнул на левую голограмму, ту, что была ближе к капитану, – пятьдесят четыре часа. Второй, – его указательный палец устремился к правой карте, – шестьдесят три. Но здесь, – он снова повернулся к первому изображению и обозначил зеленым арлучом нужный сектор, – зона повышенного скопления астероидов. Вероятнее всего, пройдем без потерь, но небольшой риск есть.

– Вывод? – подняв на него прищуренный взгляд, поинтересовался Макнэлл.

– Рекомендую второй маршрут.

– И потерю девяти часов, а заодно и топлива?

Юноша сомневался всего пару мгновений.

– Так точно.

– Молодец, – удовлетворенно кивнул Макнэлл, – в данном случае риск не оправдан. Вводи второй курс.

– Капитан, вы уже решили, каким будет порядок посещений? – осведомился старпом.

– Думаю, да, – сосредоточенно кивнул тот. – Поскольку первый пункт, Тодорос, расположен в системе Зед-4, следующей посетим планету Манкор.

– Ее нет в списке главуправления, – с удивлением заметил Дебург.

В компьютер даже не заглянул, стало быть, весь список рекомендованных к посещению планет выучил назубок.

– Нет, – подтвердил капитан, не менее внимательно ознакомившийся со списком. – Но я хочу там кое-что проверить.

– А как оформим цель прибытия? – нахмурился старпом.

– Визит доброй воли, – подмигнул Макнэлл.

Автоматическая дверь снова отъехала в сторону, впуская на мостик брюнета лет сорока. Его светло-серая форма ничем не отличалась от той, что носили остальные, за исключением вышитого на левом плече красного креста. Короткий белый шрам, тянувшийся к виску почти

от самого уголка глаза, импозантную внешность бортового врача не портил, скорее, придавал ему шарма.

– О, привет, док! – Первым сориентировался, казалось бы, не отрывавшийся от экрана системщик.

– Привет, пациенты! – бодро откликнулся Брэндан Уолкс, усаживаясь в кресло дежурного аналитика, благо оно по-прежнему оставалось свободным. – Ну, кто первый ко мне на прием?

Пара ответных смешков не поколебала рабочего настроения врача, который продолжал хищно оглядывать присутствующих с твердым намерением избрать среди них жертву медицинского произвола.

– Брэн, вообще-то мы все прошли медкомиссию перед полетом, – с ухмылкой напомнил об очевидном Макнэлл. – Подожди хоть немного, чтобы кто-нибудь из нас успел заболеть.

– Да толку? Дождешься от вас, пожалуй! – проворчал доктор. – Космос, патрульный корабль ВБС! Все здоровы, аки дуэлийские шестилапые пони. Как назло, даже от открытой форточки никто не простудится. Но все это вопрос физиологии, а вот с психическим здоровьем дела, слава богу, обстоят куда хуже!

И он в предвкушении потер руки.

– С чего бы это? – хмыкнул капитан.

– Я тебя умоляю! Регулярно скакать от планеты к планете, целенаправленно выискивая проблемы на ту часть организма, которую отдельные медики приучены деликатно именовать мягким местом... Да во флоте нет ни одного психически здорового человека! Итак, кто первый ко мне на прием?

– Бортовой врач, как и все мы, пребывает в состоянии возбуждения в ожидании взлета, – добродушно пояснил Макнэлл, обращаясь к недоумевающему космометеорологу, новичку на «Галалэнде», – что проявляется в повышенной жажде деятельности.

– Док, могу я полюбопытствовать? – подал голос системщик, пальцы которого не переставали скользить по виртуальной клавиатуре. – Откуда такой интерес к нашей скромной психике, когда ваша основная специализация – лазерная хирургия?

– Опять лазил по чужим личным делам? – для порядка возмутился капитан, впрочем, давно уже смирившийся с этой привычкой подчиненного и махнувший на нее рукой.

– Что ты понимаешь в медицине, неуч? – не замедлил с ответом Уолкс. – Еще наши далекие предки справедливо заметили, что все болезни, за одним-единственным исключением, – от нервов. Так что кто не разбирается в человеческой психике, тот не врач. Итак? Неужели нет желающих доверить свою жизнь моим умелым рукам? В медотсек как раз доставили новый набор шприцов. Игла любой длины и толщины на ваш выбор.

– Умеешь ты уговаривать! – Макнэлл покачал головой.

– Жаль, – вздохнул врач. – Значит, мне придется скучать до тех пор, пока кого-нибудь из вас не ранят в очередной дурацкой перестрелке на очередной богом забытой планете.

– Ждешь этого момента?

– Сгораю от нетерпения.

На время мостик погрузился в условную рабочую тишину, наполненную шелканьем рычагов, монотонным гудением приборов и шорохом перекачиваемых с места на место кресел.

– Господин капитан, как провели отпуск? – поинтересовался Джереми, заметив, что Макнэлл отодвинулся от своего монитора, явно довольный просмотренной информацией. – Погода на Северном континенте хорошая?

– Отличная, – с чувством протянул капитан. – Собачий холод. Всю неделю катались с женой на лыжах.

– Здорово, – с завистью выдохнул пилот.

– Ты хотел бы об этом поговорить? – тут же оживился врач.

– Отпуск с женой – это скучно, – внес свою лепту в разговор системщик.

– Ничего подобного, – возразил старпом.

– Линда и так не слишком довольна тем, что меня по многу недель не бывает дома, – признался Макнэлл. – Так что совместный отпуск – тот минимум, который я ей должен.

– Ты хотел бы поговорить об этом?

Оглушительно громкий сигнал вызова прокатился по мостику, заставив пару человек инстинктивно зажать уши. Словно кто-то врубил сирену тревоги, но быстро отключил, своевременно догадавшись о ее неуместности.

– Они что, совсем с ума посходили в приборно-агрегатном отсеке? – возмутился радист, правильно определив источник вызова. – Красный сигнал, степень срочности А1. Да мы еще даже не взлетели! Не могли по компу прислать сообщение? Капитан, сказать им, чтобы шли лесом?

– Переведи на мой компьютер и подключай, – разом посерьезнев, приказал Макнэлл.

Когда капитан «Галалэнда» говорил таким вот безапелляционным тоном, перечить не решался никто. Радист выполнил приказ, и через несколько секунд взволнованный голос одного из техников уже вещал по громкой связи.

– Господин капитан, на корабле ЧП. На борт взошли четверо континентальных полицейских, утверждают, что из убойного отдела. Идут к вам на мостик. На вопросы отвечать отказываются, сообщать вам о прибытии запретили. Вооружены. Совсем скоро будут у вас.

– Благодарю за информацию.

Макнэлл щелкнул крошечным рычажком как раз вовремя, чтобы разговор не достиг ушей входивших в помещение представителей правопорядка. Если, конечно, они действительно таковыми являлись, поскольку столь беспардонное вторжение в святая святых патрульного судна выходило за рамки обыденного.

– Континентальная полицейская служба, южный округ, убойный отдел. Лейтенант Грогг, – представился офицер, вошедший первым.

Он мало чем отличался от своих сослуживцев – все они обладали схожими чертами: крепким телосложением, короткими стрижками и идентичной формой, если не считать свидетельствовавшие о ранге нашивки.

– Капитан Макнэлл. Чем могу быть полезен?

– Мы бы хотели задать вам несколько вопросов.

– Например?

Брови капитана взметнулись вверх, но в остальном он сохранял завидное спокойствие. Невзирая на то, что ни самоуверенное поведение полицейских на корабле, ни слова лейтенанта, ни избранный последним тон общения не сулили ровным счетом ничего хорошего.

– Например, когда вы в последний раз ездили по адресу: Восточная семнадцатая улица, дом 21, корпус 3, и с какой целью?

– Никогда там не бывал, – отчеканил капитан.

– Вот как? В таком случае не подскажите, где вы были сегодня в половине двенадцатого? Макнэлл устремил взгляд в правый верхний угол экрана, где фигурировало время 13:55.

– В Тиновом парке.

– Теневом парке? – хмурясь, переспросил один из полицейских, явно впервые услышавший произнесенное словосочетание.

– Тиновом, – поправил его лейтенант. – Назван так из-за давно осушенных на том месте болот. Малолюдное местечко, – заметил он, снова обращаясь к Макнэллу. – Что вы там делали?

– Думал, – флегматично ответил тот. – И созерцал.

– Что, простите? – снова влез с уточнениями второй полицейский.

– Думал, – насмешливо повторил Макнэлл. – Полезное, знаете ли, занятие.

– Я бы на вашем месте не ерничал, – одернул его лейтенант. – Вы сейчас не в том положении. Есть кто-нибудь, кто видел вас в этом парке и может подтвердить ваши слова?

– Вряд ли, – честно ответил капитан, предвидевший такой вопрос. – Как вы изволили справедливо заметить, парк немногочислен.

– И все-таки, зачем вы туда отправились именно сегодня, всего за несколько часов до старта вашего корабля? – настаивал Грогг.

– Я часто хожу туда как раз перед вылетом на продолжительные задания. Чтобы насладиться природой планеты, которую мне предстоит надолго покинуть.

Быть может, проявил капитан смущение при таком признании, полицейские были бы более склонны принять его слова на веру. Но абсолютная уверенность в себе в данном случае не играла ему на руку.

– Моя жена может это подтвердить, – добавил он на более доступном континентальной полиции языке.

– Не может, – жестко возразил лейтенант. – Ваша жена, Линда Макнэлл, была убита сегодня в 11:25 на Восточной семнадцатой улице около магазина головных уборов, из которого как раз выходила. Магазин расположен в третьем корпусе двадцать первого дома.

Капитан застыл с каменным лицом, на котором резко проступили незаметные еще недавно морщины. Руки сжались в кулаки, но ногти в ладони не врезались: пока вся энергия уходила на осмысление услышанного, а не на физическое напряжение.

– Как она умерла?

Голос прозвучал глухо, будто говорили с той стороны автоматической двери.

– Убита выстрелом из эксплодера, – пристально следя за реакцией Макнэлла, сообщил лейтенант. – Как и обычно в таких случаях, взрыв практически уничтожил тело. Однако установить личность погибшей по анализу ДНК все-таки удалось. Кстати, у вас ведь в силу профессии есть доступ к этому виду оружия?

– В силу профессии нам крайне редко приходится прибегать к подобным мерам, – отрезал капитан.

– Однако возможность такая имеется, – сделал собственный вывод Грогг. И, что-то мысленно для себя решив, объявил: – Рейер Макнэлл, вы арестованы по обвинению в убийстве вашей жены. – Развернул к капитану светящийся экран карманного компьютера, на котором было открыто предписание с электронной подписью прокурора. – Ваши права вам зачитают в полицейском участке.

Макнэлл медленно поднял голову и устремил на лейтенанта тяжелый взгляд, который выбил бы из колеи любого из его подчиненных. Но никак не выдавшего виды стража порядка.

– На каком основании?

Джереми медленно повернул голову к своему компьютеру. Если незаметно набрать всего несколько символов, люк «Галалэнда» закроется и будет загерметизирован. Еще пара нажатий, рывком опустить рычаг – и, оторвавшись от земли, они устремятся в открытый космос. Топлива на корабле достаточно, припасов тоже, основная часть экипажа на борту. Конечно, есть риск случайных жертв среди тех, кто находится сейчас снаружи... И полицейские могут начать стрельбу, но вряд ли они станут это делать, поняв, что сила теперь не на их стороне.

– Второй пилот! – резко оборвал его мысли командный голос. – Подойдите ко мне.

Под проницательным взглядом капитана Джереми поднялся с кресла и подчинился.

– Садитесь сюда и просмотрите последние сообщения космометеорологов, – бросил Макнэлл.

Отдав этот совершенно бессмысленный, казалось бы, приказ, заставивший Джереми отказаться от своего геройского замысла, капитан вновь обратился к полицейским.

– Итак, на каком основании меня обвиняют в убийстве жены?

– Преступник выбросил оружие неподалеку от места преступления, – сообщил лейтенант.

– И что? Неужели на эксплоудере остались мои отпечатки пальцев? – саркастично «поразился» Макнэлл.

– Отпечатков нет, – спокойно ответил полицейский, – убийца действовал в перчатках. Тем не менее обнаружить следы его ДНК на оружии удалось. Вашего ДНК, если быть точным. Кроме того, на ветке дерева, за которым, предположительно, убийца прятался, поджидая жертву, сохранилась капля крови. Совсем крошечная. Преступник, должно быть, и не заметил царапины, но современные технологии позволяют нам легко отслеживать подобные вещи. Мне ведь не надо уточнять, чья это кровь? Кстати, а что за царапина у вас на лице?

Макнэлл пару секунд смотрел непонимающе, затем поднес руку к левой скуле. След действительно был настолько незначительный, что при иных обстоятельствах вряд ли кто-нибудь обратил бы на него внимание. Но сейчас взгляды всех находившихся на мостике скрестились на этой тончайшей красной полоске.

– Поранились, когда брились? – услужливо подсказал лейтенант.

– Нет, когда перевешивал полку в гостиной, – не оценил юмора Макнэлл.

– Кто-нибудь может это подтвердить?

Лицо капитана вновь приобрело каменное выражение.

– Уже никто.

Полицейский кивнул.

– Прошу вас пройти с нами.

– Мне полагается адвокат.

– Вы позвоните ему, когда прибудем на место. Хотя, учитывая обстоятельства, сомневаюсь, что вам это поможет.

– Джереми! – все еще не отрывая взгляда от лейтенанта и не поднимаясь с места, громко произнес Макнэлл. – Придерживайся заданного курса. Дейл! Проследите за последней стадией приема груза. Старпом будет занят другими вещами. Томас! Принимайте командование. Предварительный план полета вам известен. Следуйте ему в отсутствие других указаний из центра патрульной службы. Вы назначаетесь исполняющим обязанности капитана до моего возвращения на корабль... или до прибытия нового капитана.

Раздав последние указания, он поднялся на ноги, окинул взглядом мостик и, ни слова не говоря, устремился на выход, сопровождаемый четверью полицейскими. Остальные члены экипажа продолжали шокированно смотреть им вслед даже после того, как сенсорная дверь окончательно задвинулась за облаченными в форму спинами.

Если патрульному звездолету «Галалэнд» и предстояло продвигаться по заданному при Рейере Макнэлле курсу, то никак не в этот день. В связи с непредвиденными обстоятельствами взлет корабля был отложен на неопределенный срок.

Часть 1

Взаперти

Глава 1

Флаербус медленно, но верно приближался к нужной мне остановке, то и дело обгоняемый частными двухместными машинами. Их хозяева предпочитали ручное управление услугами автопилота, проблема которого заключалась в том, что он ни при каких обстоятельствах не соглашался нарушать правила, в том числе превышать разрешенную максимальную скорость. Не всех водителей это устраивало.

Но у внутрипланетарного общественного транспорта иных вариантов, кроме автоматического пилотирования, к счастью, не наблюдалось. Разве что в экстренных аварийных ситуациях дистанционное управление принимал на себя дежурный диспетчер. Поэтому мы двигались чинно, мирно и спокойно, без каких-либо происшествий. Временем в дороге каждый пассажир распоряжался по-своему: молодой парень с пышной копной кудрявых волос что-то увлеченно читал с экрана своих многофункциональных часов; двое подростков играли в трехмерный тетрис, тыча пальцами в зависшую перед ними голограмму и громко ругаясь всякий раз, когда промахивались мимо нужной фигуры. Девочка лет восьми, прильнув к овальному окну, рассматривала мелькающие внизу крыши высоток. Ее мать, тоже мало интересовавшаяся гаджетами, время от времени устремляла напряженный взгляд на крепившийся к переднему сиденью экран, где сменяли друг друга невнятные разномастные ролики. В сторону окна она даже не поворачивалась.

– Уважаемые пассажиры, – заговорил приятным женским голосом компьютер, точно рассчитавший оставшееся до пункта назначения время, – через две минуты мы прибудем на остановку «Рулевая башня». Остановка расположена на уровне семнадцатого этажа. Если вы намереваетесь пересечь на флаербус номер 416, 423 или 518, пожалуйста, подождите его прибытия за чертой безопасности. Если вы намереваетесь пересечь на монорельс, спуститесь на лифте на двенадцатый этаж. Удостоверьтесь, что вы не забыли личные вещи в кабине флаербуса. Желаем вам хорошего дня.

Собиравшиеся выходить на ближайшей остановке люди потихоньку потянулись к двери. В том числе и я.

Посадочная площадка выдвинулась из стены здания, принимая наш транспорт. Пассажиры направились к расположенным на огороженной от ветра территории лифтам. Два были с прозрачными стенками, один – для акрофобов – с матовыми. Людям, страдающим боязнью высоты, в наше время приходится нелегко, что наглядно демонстрировала мать восьмилетней девочки. Ее лицо было блее мела, а в левом глазу, похоже, от напряжения лопнул сосуд.

– Не понимаю, почему остановка флаербуса должна находиться на семнадцатом этаже, – возмущенно проворчала она, пошатываящейся походкой направляясь к матовому лифту. Девочка спокойно следовала за ней: материнская фобия ребенку явно не передалась. – И вообще, почему городской общественный транспорт должен летать так высоко?!

– Так безопаснее, – беззлобно объяснил пожилой мужчина в куртке с высоко поднятым воротником. По-видимому, он сохранил приверженность к некоторым юношеским слабостям: застегнутая электронная молния переливалась всеми цветами радуги, что, кажется, считалось пискom моды лет тридцать назад.

– Безопаснее? – Женщина воззрилась на попутчика и, нажав кнопку вызова, отчетливо произнесла в специально предназначенный для этого микрофон: – Первый.

На панели высветилась цифра «1».

– Двенадцатый, – сказал мужчина в куртке, и компьютер отметил номер очередного «заказанного» этажа.

Мне нужен был первый, поэтому я промолчал.

– Гораздо безопаснее, – мягко подтвердил седовласый обладатель многоцветной молнии. – Нет риска врезаться в мост, дерево или дом, не считая, конечно, вот таких башен. Одно время флаеры летали на уровне пятого этажа, и это было признано опасным. А прежде они и вовсе ездили прямо по земле, только назывались по-другому, не припомню как именно.

– По земле... – протянула женщина со смесью тоски и восторга в голосе. – И чем это кому-то не угодило?!

– Очень много несчастных случаев, – развел руками собеседник. – Такие наземные флаеры сбивали людей, ну и, само собой, животных.

– Ужас какой! – Пассажирка поднесла руку к горлу и повернулась к дочке, должно быть, побоявшись, что подобная информация может травмировать психику восьмилетнего ребенка. Цепкая хватка фобии отпустила женщину в достаточной степени, чтобы она была в состоянии беспокоиться не только о собственном самочувствии.

– Поэтому, как видите, в воздушных флаерах есть свои несомненные преимущества, – подытожил мужчина. – Но и недостатки тоже имеются.

Он сочувственно поглядел на все еще бледную пассажирку.

В этот момент раздвинулись двери одного из прозрачных лифтов, и я шагнул туда вместе с большинством пассажиров. Мать с дочкой остались дожидаться матового, и вместе с ними седой мужчина. Видимо, за компанию – сам он вряд ли страдал навязчивым страхом высоты.

Спускаясь с семнадцатого этажа на двенадцатый, а затем на первый – иные уровни никого из моих случайных спутников не интересовали, – я молча смотрел на приближающуюся землю и увеличивающиеся в размерах дома. Высота меня не пугала, тревожило другое. То, что дожидалось на вполне надежной земле.

Двери автоматически разъехались, и я одним из последних вышел наружу. В лицо дохнул свежий ветер, слишком холодный, чтобы это оказалось приятным. Прав был пожилой пассажир, что поднял воротник. Кутаясь в куртку, я неспешно зашагал по улице. Маршрут не был знакомым, но светящаяся зеленая стрелка на часах указывала дорогу. Планетарный навигатор никогда не ошибался.

Я шел по коротко подстриженной зеленой траве, иногда поддевая носками ботинок красные и фиолетовые листья. Справа, тихо шурша, ехала черная лента автоматической дорожки, но я умышленно ее игнорировал, давая работу ногам и время на размышления мозгу. Мысли, впрочем, были все больше малоприятные, так что в итоге я оставил эту затею и просто тупо шагал в направлении, задаваемом стрелкой.

Вскоре она стала не нужна. Впереди темнел массивный уныло-серый забор, над которым на равных промежутках возвышались такие же массивные башни с конусообразными крышами. Уже стала видна табличка с крупной надписью «Городская тюрьма номер 34». Звучало достаточно пугающе. Сразу хотелось спросить – это сколько же в городе тюрем?! К счастью, мне уже успели объяснить, что первая цифра обозначает вид тюрьмы, и только вторая – собственно номер. Вот только по каким именно признакам тюрьма классифицируется как «тройка», уточнить забыли. Или не сочли нужным.

Ворота были уже совсем близко. Навигатор не обманул, хотя дорога заняла на четыре минуты больше, чем изначально предположил он, наивно рассчитав, что я воспользуюсь самодвижущейся дорожкой. Легким щелчком сообщив часам, что место назначения достигнуто, я все оттягивал момент нажатия на черную кнопку, расположенную рядом с устройством громкой связи. Приложив палец к круглой пластине на куртке, извлек из расстегнутого таким

образом внутреннего кармана пачку сигарет. Закурив, постоял, расфокусированным взглядом следя за подхватываемой ветром стружкой дыма.

Затушил сигарету, когда до конца оставалось не меньше половины. Она уже ни черта не успокаивала, а значит, нет никакого смысла гробить свое здоровье. Подошел к воротам и решительно надавил на черную кнопку.

– Кто? – лаконично поинтересовался через громкую связь бесцветный мужской голос.

– Сэм Логсон.

Я приложил большой палец к круглой панели удостоверения личности. Сейчас охранник, без сомнения, смотрел на монитор своего компьютера, получая всю положенную ему по статусу информацию касательно моей скромной персоны.

– Цель посещения?

«Пожизненное заключение». Обстоятельства почему-то настраивали на сарказм, но я решил не рисковать: вдруг охранники чувства юмора начисто лишены и воспримут мое заявление всерьез?

– Прибыл на практику. В рамках Планетарной службы.

– Проходи.

Я отчего-то ожидал, что раздастся щелчок, но дверь абсолютно беззвучно отъехала в сторону, чтобы моментально задвинуться обратно, стоило мне войти в полумрак коридора.

Когда-то все мужчины нашей планеты, Новой Земли, достигнув совершеннолетнего возраста, каковым здесь считались двадцать четыре года, призывались в армию. Сначала это было вызвано необходимостью: мы пребывали в состоянии войны с двумя другими человеческими планетами. Потом последовал худой мир, постепенно превратившийся в мир стандартный. С другими видами гуманоидов нам нечего было делить, а с принципиально иными расами вооруженных конфликтов и вовсе никогда в истории не случалось.

Так что многочисленная армия стала не нужна. Срочная служба сменилась профессиональными войсками, задачи которых сводились к патрулированию границ, визитам доброй воли, оказанию гуманитарной помощи, содействию полиции и тому подобному. Казалось, наступило время отпустить с миром мужчин, не посвящающих свою жизнь подобным занятиям. Но не тут-то было. Вместо армии на Новой Земле была организована так называемая Планетарная служба, обязывавшая каждого, не относящегося к вооруженным силам, отдавать гражданский долг родине в течение двух лет по несколько часов в неделю. Якобы для того, чтобы поддерживать среди населения дух патриотизма, а в действительности – ради получения бесплатной рабочей силы.

Суть отдачи такого «долга» могла сводиться к чему угодно в зависимости от способностей, профессии или сферы обучения ПС-ника, как обычно называли мужчин, проходивших Планетарную службу. Варианты ее простирались от помощи в больницах до программирования, от таскания грузов в космопорту до мойки пробирок в какой-нибудь захудалой лаборатории. А поскольку я учился в университете на кафедре теоретической астрономии, вариантов в моем случае было немного. Раз специальность теоретическая, подходила она главным образом для преподавания.

Ладно, уроки, так уроки. Не могу сказать, что с детства мечтал быть учителем, да и перспектива потратить на бесплатную работу около пятисот часов своей жизни особо не радовала. Но делать нечего, и в целом с такой данностью я смирился. Вот только все это время был убежден, что речь пойдет о преподавании в школе, субсидированных курсах для пенсионеров или, на худой конец, проведении полуживых игр с воспитанниками детских садов. И вот уж чего я никак не подозревал, так это направления по распределению – ни больше ни меньше – в городскую тюрьму! Повышать образование стремящихся к этому заключенных.

Один служивый в зеленой форме тюремной охраны встретил меня у входа, другой сидел в крохотной комнатке. Оторвав взгляд от широкого монитора, он помахал мне рукой.

– Молодец, парень! – похвалил, вытянув вверх большой палец. – В тебе есть стержень. Всего полсигареты! Многие, кто в первый раз приходит сюда на работу, сначала выкуривают по две.

Криво усмехнувшись сомнительному комплименту, я последовал за охранником.

Обыкновенные потертые ступени, гулкий коридор, никаких лифтов или самодвижущихся дорожек. Можно было подумать, что зданию триста-четырееста лет, но впечатление портили вездесущие глазки крохотных камер слежения. Да и дверь в кабинет замдиректора тюрьмы по кадровым вопросам – отдел кадров в тюрьме, вот ведь черный юмор! – открывалась автоматически. Внутри я вошел один. Сопровождающий, надо полагать, остался караулить снаружи, а может, и вернулся на свой изначальный пост, кто его знает.

При моем появлении новое начальство со стула не поднялось, но в остальном вело себя вполне дружелюбно.

– Сэм Логсон, значит, – протянул, растягивая слова, пятидесятилетний мужичок с усами, переводя взгляд с меня на монитор и обратно. – Все файлы на вас получили.

Он прищурился, сверяя лицо с фотографией, а у меня, как и всегда в подобных случаях, на миг сжало сердце. «Привычно сжало сердце», вот ведь оборот!

– Двадцать четыре года.

Я утвердительно кивнул.

– Уроженец Новой Земли, к нам переехали в возрасте восьми лет с Северного континента. Эх, красивые места... – Начальник аж глаза прикрыл, такое удовольствие доставили ему воспоминания. – Но вернемся к делу. По происхождению вы пратонец?

Снова кивок с моей стороны.

– Единственный ребенок?

– Да.

– Вашим родителям повезло, что у них родился мальчик, – посерьезнев, отметил зам.

Не вполне уместное замечание для представителя власти. Неожиданное даже.

Я склонил голову, не желая развивать разговор на данную тему даже простым «да» или «нет». К счастью, начальник на этом и не настаивал.

– Итак, вы изучаете теоретическую астрономию. С практической специализацией пока не определились?

Я мотнул головой.

– Ничего, еще успеете. Общепланетарное руководство тюрем, – перешел к сути зам, – приняло решение расширить программу обучения заключенных, предоставив им максимально возможный спектр курсов. Этой программе придается большое общественное значение. Аттестация у вас хорошая, личное дело чистое, никаких нарушений. – На этом месте я мысленно усмехнулся, но ни единый мускул на лице не дрогнул. – Так что можете приступать к работе прямо с завтрашнего дня.

Вот радость-то!

– В связи с учебой я смогу начинать не раньше четырех часов.

– Разумеется. Занятия, назначаемые через ПС, как правило, проводятся во второй половине дня. Что вы скажете насчет вторника и четверга?

– Вполне устраивают, – кивнул я, радуясь, что меня не пытаются утянуть сюда еще и на третий день в неделю.

– Отлично. – Замдиректора ввел в свой компьютер какую-то информацию, вероятнее всего, связанную с нашими сегодняшними решениями. – Завтра как раз вторник. Приходите к четверем. Немного освоитесь и сразу попробуете дать первый урок. Посмотрим, как он пройдет. Ну и в зависимости от этого определимся с окончательной нагрузкой на ближайший квартал.

Вот так и случилось, что на следующий день я снова оказался в тюрьме, в очередном крошечном служебном помещении, где двое местных работников консультировали меня перед первым уроком, попутно занимаясь приведением моей персоны в должный внешний вид. На меня уже водрузили зеленый жилет с круглым символом на левом плече, таким образом придав сходства с тюремщиками. Не иначе, чтобы ученички прониклись ко мне особенно теплыми чувствами. Поверх жилета застегнули пояс, на пряжке которого размеренно помигивала красная точка.

Ужасно хотелось полюбопытствовать, насколько все это вообще безопасно, но я пока старался от этого вопроса воздерживаться. Вроде как не по-мужски это – беспокоиться о подобных вещах. Вместо этого просто пошутил:

– Пояс смертника?

– Пояс живчика, – хохотнул в ответ Раджер, один из приставленных ко мне тюремщиков. – Даже не сомневайся, так оно и есть, – продолжил он, щелкнув по пряжке ногтем и отступив в сторонку, чтобы посмотреть на результат своих действий.

Лично я никакого результата не видел, если не считать того факта, что огонек мигать перестал.

– ОСП, облегченное силовое поле, – объяснил затем охранник, – совершенно не видимое, но броня неплохая. – Он вытянул вперед руку и, к моему изумлению, в паре сантиметров от моего носа она остановилась, будто наткнувшись на что-то прочное. – Рукой его не пробить, ножом тоже.

– А если стрелять из бластера? – полюбопытствовал я.

– Да откуда же у узников возьмется бластер?! – пожурил меня за недалёковидность второй «ассистент», чье имя мне не запомнилось.

Из этого утверждения я заключил, что ножи у уголовников откуда-то взяться вполне себе могли, и оптимизма этот вывод, признаюсь, не добавил.

– Сэм, ничего, что я так, на «ты»?

Я ответил Раджеру кивком.

– Тебе надо понять одну вещь. Заключение – это не какие-нибудь кровожадные инопланетяне, которых хлебом не корми, дай только кого-нибудь убить или покалечить. У них неплохие условия жизни, как-никак тюрьма третьего уровня. От трех до шести человек в камере, у каждого кровать и створка шкафа, два рабочих стола, телевизор. Пусть даже допотопный и подключен далеко не ко всем каналам. А такие уроки – это для них разнообразие, которое, поверь, начинаешь невероятно ценить, просидев здесь пару месяцев, не говоря уже о годах. Плюс возможность почувствовать, что движешься в правильном направлении. Делаешь что-то, что может пригодиться тебе потом, на выходе. Так что меры безопасности мы, конечно, принять обязаны, но, поверь, они сами заинтересованы в том, чтобы занятия проходили как надо.

– А если взять учителя в заложники и таким образом выбраться на свободу?

Я задал этот вопрос, движимый не столько опасениями, которые, как ни странно, уже отступили на второй план, сколько любопытством.

Раджер откровенно скривился, его коллега только хмыкнул.

– Совершенно нереально, – заверил мой здешний наставник. – Даже если сумеют выйти из комнаты обучения, дальше надо проделать серьезный путь. А у нас везде камеры наблюдения, и коридоры сходятся и расходятся в самых неожиданных точках. Может свет погаснуть, может вода с потолка потечь, может ступенька под ногой обломиться. И с какой стороны появится группа захвата, беглец до последнего не заподозрит. Одним словом, подробности тебе ни к чему, – поспешил округлиться он под укоризненным взглядом коллеги, как видно, считавшего, что не след предоставлять лишнюю информацию постороннему, в сущности, человеку. – Просто поверь на слово: все предусмотрено, ничего из такой попытки не выйдет. И главное, они сами хорошо знают, что не выйдет. Зато после одной-единственной попытки такого

вот побега все эти курсы прикроют. А учеба для здешних – как глоток свежего воздуха. Так что они же с «беглеца» три шкуры снимут.

Я кивнул. Что ж, будем исходить из того, что эти ребята знают, что говорят. Но ощущения, когда я вместе с ними шагал к аудитории, все равно были не фонтан. О чем я им стану рассказывать? Можно подумать, тут кому-то действительно интересно слушать об инопланетной культуре или особенностях шестипалых пони как редкого биологического вида. Здесь бы больше подошла лекция на тему «Как взломать лазерный сейф»...

Граничащая с коридором стена аудитории казалась прозрачной, будто столы со встроенными в них электронными тетрадами для записей, стулья, голографический проектор под потолком и, собственно, ученики располагались за стеклом. В действительности материал был, конечно же, совершенно иной и намного более прочный – так называемое «герцианское стекло», то самое, из которого изготавливались стенки обычных, не матовых лифтов.

Точно такая же прозрачная дверь никак не выделялась на общем фоне до тех пор, пока Раджер, приложив к какому-то участку свой большой палец, не привел в движение отпирающий ее механизм. Створка автоматически открылась внутрь, и мы присоединились к уже собравшимся в классе людям.

Их было четырнадцать человек. Двое вооруженных охранников – вместе с моими спутниками теперь их стало четверо – и двенадцать учеников.

Честно говоря, увидев их, я оторопел и застыл у преподавательского стола, тупо глядя перед собой. Зная, куда меня распределили на ПС, я ожидал чего угодно – сборища головорезов, наемных убийц с холодными глазами, маньяков с нездоровыми лицами, наркоманов, мающихся от ломки. К чему же никак не был готов, так это к тому, насколько они окажутся... нормальными. Это были просто люди, двенадцать взрослых мужчин, ничем не отличающихся от группы обыкновенных студентов, особенно учитывая, что на сегодняшний день вольные слушатели среднего возраста вовсе не редкость. Странно разве что группа подобралась однополая, но и такое тоже случается. Лишь одежда – одинаковые желтые штаны и рубашки – не позволяла окончательно позабыть о статусе учащихся.

А в остальном... Интеллигентного вида молодой человек в очках, отличавшийся правильными чертами лица, внимательно просматривал высветившиеся на экране электротетради строки. Совсем юный на вид парень с курчавыми рыжими волосами и ямочками на щеках приветливо улыбался мне, комфортно устроившись на стуле. Вот разве что высокий толстяк в дальнем углу выглядел в должной степени мрачно и оттого зловеще. Сложно даже представить, что он способен наворотить при таких габаритах. Или, наоборот, слишком легко.

В целом неожиданность увиденного дезориентировала, но одновременно и упрощала задачу. С людьми общаться как-то легче, чем с преступниками. Хотя и степень ответственности – моей, субъективной, что же еще может иметь значение? – мгновенно возросла.

Представлять меня явно никто не собирался, так что пришлось, невзирая на чувство неловкости, взять ситуацию в свои руки.

– Добрый день. Меня зовут Сэм Логсон, и сегодня мы поговорим об астрономии.

Дурацкая фраза. Зазубренная, школьная. Но что еще говорить на этом этапе, когда со слушателями пока нет никакого контакта? Это была не первая моя лекция, за почти пять лет обучения проводить уроки то тут, то там доводилось. Но, мягко говоря, при других обстоятельствах.

Подцепив ногтем тонкую крышку, встроенную в поверхность стола, вставил в предназначенное для нее гнездо «пластинку», плоский переносной носитель информации, имеющий форму круга. Проектор был уже включен, и теперь перед учащимися медленно закружилась объемная карта звездного неба. Не профессиональная карта, конечно. Сильно урезанная и местами устаревшая, но для нынешних целей она подходила прекрасно, весьма качественно

демонстрируя звезды, планеты, спутники, туманности, пояса астероидов и даже зияющие пятна черных дыр.

Заставив себя оторвать взгляд от голограммы, я медленно обвел глазами аудиторию. Есть ли им хоть какое-то дело до космоса – этим людям, жизнь которых ограничена крохотным кусочком Новой Земли? Ответ пришел сам собой: есть. Космос значим для них так же, как и для меня, свободно передвигающегося по континенту, но в некотором смысле подобно им запертого в клетке. Просто для них эта клетка – тюрьма, а для меня – планета. Но никто не может нам запретить мечтать, и я поступил на кафедру теоретической астрономии, чтобы космос стал для меня ближе – хотя бы как предмет изучения. И теперь, возможно, я смогу поделиться этой мечтой с кем-нибудь из них.

– Как правило, астрономия ассоциируется у нас с далекими звездами и огромными расстояниями.

Я начал говорить, тщательно подбирая слова, задумываясь о формулировках и беспокойно следя за реакцией слушателей. Но с каждым предложением мой голос становился увереннее, нужные фразы составлялись спонтанно, речь потекла сама собой.

– Мы вспоминаем о межгалактических круизах, гиперпрыжках и ребусах, которые продолжают загадывать черные дыры. Однако на самом деле космос начинается здесь. На Новой Земле. В нас. В каждой частичке нашего тела.

Я прикоснулся к голографическому изображению Новой Земли. Ясное дело, ничего не почувствовал, зато потревожил лазерный луч, что было сразу же зафиксировано компьютером. Теперь я резким движением развел в стороны большой и указательный пальцы правой руки, так, словно работал с сенсорным экраном. Машина это движение распознала и выполнила соответствующую команду. Изображение планеты увеличилось в размерах, в то время как остальные детали карты основательно уменьшились и отступили на второй план. Теперь каждый имел возможность беспрепятственно наблюдать за вращением Новой Земли и пяти ее спутников, созерцая при этом выпуклости гор, впадины морей и Единого океана и даже зеленые пятна, соответствующие покрытым лесами территориям.

Все без исключения учащиеся подались вперед, с видимым интересом рассматривая голограмму.

– Каждый наш шаг подвержен действию законов космоса, – вещал я. – Когда мы, поскользнувшись, падаем на землю, тому виной гравитация нашей планеты. Приливы, отливы и прочие колебания морей – это результат движения ее спутников. Основным источником электричества, которым мы пользуемся не то что каждый день – каждую минуту! – является Рейза, звезда нашей планетной системы. Поэтому, говоря об астрономии, мы можем, в сущности, говорить о чем угодно. Как о самом далеком, так и о повседневном. Астрономия – это наука, которая не имеет границ.

Всеобщий интерес к моему рассказу придал уверенности, и, испытывая чувство, чрезвычайно близкое к вдохновению, я продолжил:

– Кроме того, как все мы знаем со школьных времен, историческая родина людей – планета Земля. Не Новая Земля, а та, изначальная, в честь которой наш мир и был назван. Все жители Новой Земли, ее спутников и прочих человеческих планет корнями происходят оттуда. Мы все – потомки первопроходцев, решившихся на заселение новых миров в те времена, когда подобные перелеты никому не казались банальностью. А значит, межзвездная экспансия для нас – не пустое слово. Каждый из нас принадлежит по меньшей мере к двум мирам – Новой Земле и той, первой.

– А сейчас на Старой Земле кто-нибудь живет? – поинтересовался рыжеволосый парень.

В поле моего зрения попал Раджер. Он подмигнул, незаметно поднимая вверх большой палец. Дескать, вот и с первым вопросом тебя. С почином. Сдержав улыбку, я поспешил ответить:

– Да. Население есть, но небольшое. Экосистема планеты основательно испорчена, поэтому сейчас там не лучшее место для жизни. Ситуацию стараются исправить, но пока неизвестно, каких результатов удастся достичь.

– То есть возвращение на историческую родину нам пока не грозит, – вздохнув, заключил светловолосый мужчина немного за двадцать, в котором легко было определить не блондина, а альбиноса.

– Видимо, нет, – подтвердил я. – К счастью, в нашем распоряжении достаточно пригодных для жизни и давно освоенных планет. Был период, что-то около столетия, когда на экспансию и приспособление к жизни в новых условиях уходили практически все ресурсы. Прогресс тогда остановился, а в некоторых областях нас даже ощутимо отбросило назад. Но с тех пор все наладилось, в технологиях произошел очередной скачок, и нет никаких причин опасаться, что человечество потеряет хотя бы одну обжитую планету.

– А это правда, что у людей и всех гуманоидов общие предки?

– Нет. Почти точно нет, – исправился я. – Действительно, была такая теория, гипотеза Бейла, согласно которой не только люди, но и все виды человекоподобных существ происходят с Земли. Якобы те, кто отличается от нас, изменились в ходе очередного витка эволюции, подстраиваясь под природные условия новых планет. Подтвердить или опровергнуть эту теорию исторически достаточно сложно, поскольку космические корабли того времени нередко сбивались с курса, люди теряли связь со своими соотечественниками, и никто не знал, погибли ли они или добирались до пригодных к жизни планет, а если добирались, то до каких именно. С этой точки зрения возможно все. Но то, что мы знаем о законах эволюции и генетики, заставляет сильно усомниться в справедливости гипотезы Бейла. Вероятнее всего, с большинством из гуманоидов мы не родственники.

– Но разве это не удивительно? – снова вмешался рыжий. – Такие совпадения, если они просто случайны?

– Удивительно, – согласился я. – Но не настолько, как можно было бы подумать. Все же многим сходствам можно найти логическое объяснение. Более-менее одинаковым размерам, например. Симметричному строению тела. Органам чувств, устроенным по схеме хищников, а не жертв. Словом, при всех странностях объяснимое тоже есть.

– А сколько существует разумных рас?

Это уже тот, здоровый, чуть ли не единственный из них, кто реально походил на преступника.

– На сегодняшний день нам известно двенадцать. – Повезло, что я в очередной раз знал ответ на заданный вопрос, – в чем-то преподавание оказывается почище иных экзаменов. – Это если включать людей. Но о существовании двух рас из этих двенадцати мы узнали совсем недавно, буквально в последние десятилетия. Так что в любой день кто-нибудь может открыть и тринадцатую.

– Двенадцать... Символическое число, – задумчиво, я бы даже сказал, мечтательно произнес обладатель очков. – Двенадцать апостолов, двенадцать знаков зодиака, двенадцать месяцев...

– Что значит «двенадцать месяцев»? – вмешался здоровяк. – А тринадцатый куда подевался?

– Сказка старая есть с таким названием, – отозвался очкарик.

– На Земле – той, старой – год состоит из двенадцати месяцев, – подсказал я.

– Ух ты! А которого у них нету? – осведомился толстяк с чисто детской непосредственностью.

– У них там вообще вся система другая, – ответил уклончиво, не стремясь признаваться, что названий земных месяцев просто-напросто не знаю.

– А сколько у них дней в году?

– А сутки длиннее, чем у нас, или короче?

Пожалуй, с уверенностью можно было сказать, что мой первый урок удался.

– Кто все эти люди? – спросил я у Раджера, вновь оказавшись в одном из служебных помещений.

Тюремщик помог мне снять «пояс безопасности», у которого была довольно-таки хитрая застежка.

– Убийцы, – просто ответил он.

– Что, все?

Я недоверчиво вытаращил на него глаза.

– В той или иной степени. Но здесь только те, у кого нет отягчающих обстоятельств, таких отправляют во вторую категорию. Рецидивисты, террористы, убийства с особой жестокостью – это все не у нас. Политические тоже. А здесь – те, у кого дела попроще.

– И что, у них такие хорошие условия? Телевизор в камере, широкий выбор курсов, обед из трех блюд?

Я кивнул в сторону кухни, мимо которой мы проходили всего пару минут назад. Нам вослед до сих пор тянулись вполне впечатляющие запахи.

Тюремщик усмехнулся с видом человека, понимающего что-то, чего не может пока уразуметь его собеседник.

– Их приговаривали не к плохим условиям, а к лишению свободы, – заметил он. – Это сурово само по себе, ты постепенно поймешь. Но вообще во «вторых» тюрьмах условия намного тяжелее.

Я задумался, пробуя проникнуться позицией Раджера, но в итоге лишь пришел к выводу, что разделить его точку зрения не могу. Для преступников, получивших срок за убийство, наказание казалось слабоватым. Мысли переключились собственно на преступников, которых я видел совсем недавно и которые так оживленно закидывали меня вопросами о далеких планетах и разумных расах.

– А этот, с очками? – не удержался от вопроса. – Он что, тоже кого-то... того?

– Дядю своего грохнул, – без особых сантиментов сообщил Раджер. – Наследство большое было. Серьезный соблазн. Кстати, неплохо, говорят, спланировал, но все же не все просчитал. Подозрение-то первым делом пало на наследников – ну и на него в том числе. А наши копы, если носом землю роют, редко когда промахиваются.

– Ну хорошо, а тот рыжий паренек, впереди сидел. С ним-то что не так? – не унимался я.

– Наркоту продал несовершеннолетнему.

Информация о каждом заключенном буквально отскакивала у тюремщика от зубов, будто он сдавал экзамен по их личным делам. Хотя на самом деле наверняка все запоминал постепенно – просто потому, что день за днем имел дело с этими людьми.

– Наркоту?!

Образ любознательного парня никак не вязался с вмененным ему преступлением. Я легко мог представить его работающим с подростками, но в качестве какого-нибудь водителя, а никак не торговца дурманящими средствами.

Однако флегматичный кивок Раджера убедил меня в том, что он ничего не напутал.

– А почему здесь? Это же не убийство, совсем другая статья?

– Тот парень, ему лет двадцать, кажется, было, умер от передозировки, – пояснил тюремщик. – Факт торговли доказать не смогли, а вот то, что наш рыжий приятель передал ему наркотик, установили. Так что сидит за непредумышленное убийство.

«Всего лишь?» – я хотел возмутиться, но вспомнил «студента», который на наркодельца походил еще меньше, чем на убийцу, и промолчал, чувствуя, что начисто дезориентирован.

– Ну а самый здоровый? Высокий толстяк, он еще сидел за последним столом?

– А тут печальная история. – Раджер и правда заметно помрачнел. – На жену его в подъезде напал грабитель. А он как раз из квартиры спускался. Схватил этого грабителя, врезал по лицу, да и отшвырнул куда подальше. Оказалось – на лестницу, которая, значит, на улицу вела. Тот по ступенькам проехал, головой ударился и отдал концы. Ну и вот, в итоге – труп со следами побоев. Сочли чрезмерным применением силы, дескать, можно было разругать ситуацию без жертв. С учетом смягчающих обстоятельств дали двадцать два месяца. Восемь из них он уже отсидел.

Я с округлившимися глазами прислонился плечом к невзрачной стене. В моем мозгу все более прочно укреплялся вывод, что ничего-то я не понимаю в этой жизни.

Глава 2

– Планеты можно делить на группы по самым разным признакам. Одна из наиболее распространенных классификаций, предложенная два столетия назад Георгом Файнсом, базируется на наличии или отсутствии на небесном теле жизни вообще и разумной жизни в частности.

Заклученные слушали, время от времени делая пометки в электротетрадах. Каждый использовал предпочтительный для него способ ведения записей. Одни открыли в нижней части экрана сенсорную клавиатуру, другие активировали клавиатуру виртуальную, третьи и вовсе водили по экрану пальцем, предоставляя машине затем «переводить» написанное в электронный текст.

– Категория 1 – это планеты, населенные людьми. Я говорю «планеты», но это также могут быть и спутники. Например, два наших спутника, заселенные в ходе экспансии, – Митос и Истерна. К этой же категории, естественно, относится и Новая Земля.

– И Земля – тоже? – уточнил, поднимая руку, рыжий.

– Безусловно, – подтвердил я. – Категория 2 – планеты, основное население которых составляют гуманоиды, но не люди. К ним, например, относятся Крисена и Рока.

– Рока? Никогда про такую не слышал, – удивился очкастый убийца дяди.

– У них не слишком развиты технологии, – пустился я в объяснения, – кроме того, условия плохо подходят для инопланетного туризма. Корабли других рас приземляются там крайне редко, сами же роцеанцы и вовсе не покидают свою планету. Тем не менее они считаются гуманоидами, и, соответственно, их планета классифицируется как двойка. Категория 3 – на планете обитают разумные расы, но не гуманоиды. Например, Йелонди. Кому-нибудь из вас доводилось видеть йелондцев?

Два человека вытянули руки.

– Это было забавно, – заметил один. – Они летели в экскурсионном флаербусе, и каждый сидел в таком скафандре, наполненном водой.

– Они не могут дышать кислородом, – подтвердил я. – Вся поверхность их планеты покрыта водой, а сверху – еще и толстым слоем льда. Мы бы никогда не узнали об их существовании, если бы эта цивилизация не была настолько развитой и они не отправились на собственных космических кораблях в поисках других миров. Так что это они нас открыли, а не мы их. А скафандры они используют еще и для того, чтобы передвигаться по земной поверхности при помощи специальной системы управления, поскольку ног у них нет, только хвост. Вообще биологически они ближе всего к нашим рыбам, хотя различий тоже хватает. Итак, категория 4, – продолжил, сочтя отступление достаточно длинным, – планеты, на которых не обитают разумные расы, но есть животные или растения. Категория 5 – жизнь представлена исключительно микроорганизмами. Наконец, категория 6 – это полное отсутствие жизни на планете.

– Все отлично, – сообщил Раджер, когда с меня в очередной раз снимали хитрый пояс. – Начальство с записью позавчерашней лекции ознакомилось, и курс окончательно одобрили. Ты вообще молодец, правда интересно рассказываешь.

– Спасибо. – ОСП наконец сняли, и я смог нормально повернуться к собеседнику. – Это будет единственная группа?

Вначале упоминалось, что классов может оказаться несколько, но это должно было проясниться в дальнейшем.

– Да вроде бы, – кивнул второй охранник, помогавший мне сегодня с поясом. – У остальных сейчас учебные часы полностью забиты. Здесь ведь на все свои ограничения. Хотя, может, ближе к весне что-нибудь изменится, какие-то курсы закроют. Ты как, предпочитаешь нагрузку повыше, чтобы быстрее срок отмотать? В смысле, ПС закончить, – усмехнулся он.

– Э... ну да, – согласился я.

Не признаваться же, что преподавать в тюрьме мне понравилось, в работу втянулся уже со второй лекции и теперь с удовольствием расширил бы спектр своих обязанностей, взявшись вести еще одну группу.

Раджер, поглядывая на меня, явно пребывал в раздумьях.

– Вообще-то если только на нижний этаж пойти...

– Нет! – Второй тюремщик активно замотал головой. – Вот туда не надо.

– Почему? – Раджер возразил так уверенно, словно сам только что не колебался. – Формально обучение полагается всем, в том числе и тем, кто отбывает заключение внизу.

– Формально – не знаю, но только начальство этого не одобрит, – упорствовал второй.

– Да вряд ли, – протянул Раджер, – начальству до таких мелочей особого дела-то и нет.

– А что там внизу? – не выдержав, вклинился я.

– Одиночки, – лаконично отозвался второй тюремщик, все еще неодобрительно взиравший на своего коллегу.

– Одиночные камеры, – расшифровал тот.

– И условия куда как хуже, – нехотя, как бы через силу разомкнув губы, добавил другой охранник. – Не как в гостинице, а как в тюрьме.

– Убийства с отягчающими обстоятельствами? – предположил, припомнив слова о рецидивистах и членах террористических организаций.

– Нет, – покачал головой Раджер, – эти в других тюрьмах сидят, во «вторых».

– А кто же тогда?

Вот теперь у меня не было на сей счет даже невероятных догадок.

– Те, кто не сознался в совершенном преступлении.

Мы спускались по лестнице, освещаемой лишь маленькими круглыми лампочками, вмонтированными в стену. От этого наши тени приобретали весьма причудливую форму, придавая атмосфере несколько зловещий оттенок.

– Даже после вынесения приговора за заключенным сохраняется право признать себя виновным. Ну и, соответственно, не признаваться.

Спокойный рассудительный голос Раджера, напротив, начисто развеивал мистический налет. Второй тюремщик с нами не пошел, заявив, что не хочет иметь к этому делу никакого отношения, дабы потом ему от начальства не влетело в случае чего. Видимо, правила безопасности не требовали присутствия в подобной ситуации двоих служащих охраны.

– Формально чистосердечное не требуется, – продолжал объяснять мой спутник. Минував крошечную лестничную площадку, мы возобновили спуск, и снизу повеяло холодом. – Но когда преступник уходит в несознанку, для правоохранительной системы это не слишком хорошо. Получается, будто остаются шансы на ошибку. А правосудие не любит, когда его в таких ошибках обвиняют. Дело-то, сам понимаешь, нешуточное – тюремный срок за убийство.

– Так их, получается, наказывают заточением в одиночки?

Я поежился, сам не понимая: от того ли, что здесь стало зябко, или от правды жизни, завесу которой приоткрывал передо мной сейчас Раджер. Последняя, прямо скажем, дурно пахла.

– Ну, формально, – тюремщик в очередной раз особо выделил интонацией это слово, – их никто не наказывает. В целом обеспечивать преступникам такие условия, как наверху, – указательный палец Раджера был направлен в потолок, – никто не обязан. К тому же и поведение играет роль при распределении по камерам, и наличие свободных мест. Так что одни оказываются там, а другие здесь, и никаких претензий руководство тюрем в связи с этим не предъявит. Тем более что система такие методы негласно поддерживает. Это ведь не в качестве наказания придумано, – теперь он говорил, слегка понизив голос, – а для того, чтобы призна-

ние в конечном итоге спровоцировать. Человек все равно осужден, все равно сидит, так можно ведь с тем же успехом отбыть срок и в лучших условиях. А у правоохранительных органов статистика повышается.

Рассуждал Раджер спокойно, я бы даже сказал, беспристрастно и личного отношения к описываемой данности не высказывал, словно был в равной степени готов обосновать как решение заключенного, так и политику правоохранительной системы.

Меж тем мы успели спуститься на нижний этаж и теперь продвигались по странным закоулкам: коридор поворачивал чуть ли не через каждые несколько метров. Как вскоре выяснилось, это делалось для того, чтобы одиночные камеры были поистине одиночными: их обитатели никак не пересекались друг с другом, а звукоизоляция не позволяла даже перекинуться. Несмотря на включенную систему вентиляции, пахло здесь не слишком приятно. Воздух, как я уже упоминал, был более чем прохладным, хотя кондиционирование наверняка позволяло выставить любой температурный режим.

Камер оказалось не слишком много, и большая часть пустовала. По-видимому, заключенные и правда предпочитали, уж коли получили срок, сознаться в совершенных (или не вполне совершенных) преступлениях, чтобы отбывать его в нормальных условиях.

Вскоре мы дошли до той камеры, к которой вел меня Раджер. Стена и здесь была абсолютно прозрачной, но сомнений не возникало: прочнее не бывает. Внутри помещения – никакой мебели, за исключением низкой и жесткой даже на вид кровати. Из постельного белья – только старая, рваная в нескольких местах простыня – их шили из крайне непрочного материала, дабы у заключенных и мысли не возникло попытаться смастерить удавку из ткани – и засаленная подушка без наволочки. Слева – унитаз без сиденья, не прикрытый от посторонних глаз даже какой-нибудь хлипкой перегородкой.

Вспомнились наличествующие наверху телевизоры, компьютеризированные классы, чистенькие душевые со свежими полотенцами и обеды из трех блюд. Кажется, я бы сознался.

Естественно, все эти условия отмечались мной все больше мельком, поскольку в первую очередь взгляд приковывал обитатель камеры. Мужчина сидел на полу, опираясь спиной о край кровати. На вид я дал бы ему лет сорок. Короткие русые волосы, то ли голубые, то ли серые – из коридора было не разобрать – глаза, под которыми залегли круги. По лбу несколькими извилистыми полосками пробежали морщины. Одежда такая же, как и у тех, что наверху, только более старая и явно реже отдаваемая в стирку. На безымянном пальце левой руки – классическое обручальное кольцо-печатка. Ногти выглядели неопрятно. И все эти штрихи страшно диссонировали с волевым и дисциплинированным лицом. Не знаю, может ли лицо быть дисциплинированным, но почему-то именно так хотелось его охарактеризовать. Сразу же сложилось впечатление, что передо мной военный, или полицейский, или по меньшей мере руководитель какого-нибудь крупного проекта, требующего быстрых решений и железной субординации.

– Кто это? – спросил я шепотом.

– Рейер Макнэлл, бывший капитан патрульного звездолета, – не понижая голоса, ответил Раджер. – Он нас не услышит, пока мы не разблокируем звукоизолирующее поле.

– И кого он убил? – Я тоже заговорил с нормальной громкостью.

– Свою жену.

Вот тебе и флотская дисциплина. Своеобразное применение полученным в армии навыкам. Впрочем, если две лекции, проведенные в тюрьме, успели чему-то меня научить, так это воздерживаться от поспешных выводов. Так что я относительно спокойно продолжал стоять напротив камеры и не сразу отвел глаза, встретившись взглядом с распрямившим спину заключенным.

– А обручальное кольцо он что, в память о ней носит? – прокашлявшись, полюбопытствовал я.

– Снимать не захотел. – Тюремщик пожал плечами. – На такую личную вещь имеет право – после тщательной проверки, разумеется.

Между тем Макнэлл поднялся и приблизился к прозрачной стене. Вид его был не испуганным, но настороженным. Раджер приложил палец к небольшому квадрату сенсора, расположенному на уровне глаз слева от камеры, деактивировав таким образом звуковой барьер между помещениями.

– Макнэлл, есть возможность прослушать курс лекций в рамках образовательной инициативы континентальных тюрем, – с непривычно тусклой, неопределенной интонацией сообщил он. – Это преподаватель, студент столичного университета Сэм Логсон. Лично я рекомендую ответить согласием.

Заклученный несомненно удивился, слегка приподнял брови, а затем принялся очень внимательно меня рассматривать. Так, словно я неожиданно заявился к нему на собеседование, и он пытался понять, есть ли у меня достаточный потенциал, чтобы быть принятым на работу.

– И какова же тема курса? – поинтересовался он, снова обращая взор на Раджера.

– Теоретическая астрономия, – не моргнув глазом, ответил тот.

Макнэлл не рассмеялся в голос, но плечи его недвусмысленно затряслись.

– Какой у вас год обучения? – спросил он у меня. – Впрочем, это неважно. Вы действительно рассчитываете научить меня чему-то новому в этой области?

Я почувствовал себя на удивление спокойно. Наверное, потому, что уже успел понять: моя основная миссия в данном заведении вовсе не в том, чтобы повышать уровень чьей-либо квалификации.

– Нет, – честно ответил, – но я надеялся, что, быть может, вы научите чему-то новому меня.

Недолгое молчание, за которым последовало неожиданное.

– Стало быть, вы обучаетесь на кафедре теоретической астрономии. К какой категории по классификации Файнса относится гамма созвездия Акации?

От такого поворота я слегка растерялся; потребовалось несколько секунд, чтобы припомнить материал.

– К категории 4.

– Почему?

Складывалось впечатление, будто я и вправду прохожу интервью или устный экзамен.

– Потому что на планете нет разумной жизни, – ответил, можно сказать, по учебнику.

– А как же пятнистые мустанги?

Если он пытался таким образом меня завалить, то весьма неудачно.

– Это животные, а не разумная раса, – протянул я, давая понять, что мое утверждение совершенно тривиально.

– А из каких соображений вы делаете такой вывод? – не согласился с моим банальным ответом Макнэлл. – Пятнистые мустанги умны и умеют находить оригинальные решения абсолютно новых задач.

Это заявление немного поколебало мою уверенность, но не настолько, чтобы всерьез изменить мнение.

– Многие животные умеют находить новые решения, – возразил я. – Интеллект пятнистых мустангов приблизительно соответствует уровню человекообразных обезьян. Они умны, безусловно, но этого недостаточно, чтобы причислить их к разумным расам.

– А каким способом вы можете определить уровень их интеллекта? – Капитан и не думал прекращать расспросы. Или экзамен...

Раджер переводил взгляд с него на меня и обратно, тоже увидев в происходящем нечто нестандартное, но пока не вмешивался.

– В случае с обезьянами использовался главным образом коэффициент энцефализации, основанный на отношении массы тела к массе мозга. – Сколь ни забавно, эта дискуссия меня не раздражала, наоборот, становилась интересной. – Как вы наверняка знаете, результат человекообразных обезьян по этому показателю – около двух, в то время как у людей – семь. Согласитесь, как бы ни был высок уровень обезьян, эти результаты несопоставимы.

– Вот только к животным, обитающим на большей части других планет, EQ² оказался неприменим, – напомнил Макнэлл.

– Справедливо. – Я мельком покосился на тюремщика, давно потерявшего нить нашего разговора. – Равно как и к земным животным, если они не являются млекопитающими. К птицам, например. Но ведь была разработана новая мера. Уравнение Батхольда подходит для инопланетных животных, не только для наших. И, понятное дело, не только для млекопитающих. По этому показателю уровень разумных рас составляет от 11 до 17. Результат обезьян – 5, а пятнистых мустангов – приблизительно 6.

– От 11 до 17 – это огромный разброс, – заметил бывший капитан, похоже, не услышавший из моих уст ни одного нового слова.

– Насколько мне известно, взгляды ученых на этот счет не слишком расходятся, – настаивал я.

– Я не ученый, зато мне неоднократно доводилось видеть на практике, на что способны существа, пренебрежительно награжденные исследователями такими оценками, как пять или четыре. – Макнэлл явно предпочитал, чтобы последнее слово оставалось за ним. Что неудивительно, если учитывать его недавнюю должность. – На мой взгляд, люди берут на себя слишком много, щедро раздавая ярлыки всем живым существам. Впрочем, оставим. Ответьте мне на другой вопрос. Отчего планета Ярон-2 получила категорию «две трети»?

Тут меня было не смутить: на эту тему наш лектор по планетарным классификациям рассуждал на одном из самых первых занятий.

– Ученые долгое время не могли определить, относятся ли ее обитатели, миенги, к гуманоидам, – «отбарабанил» я. – С одной стороны, строение их тела в целом напоминает человеческое, с другой же, наличие двух пар рук и двух пар глаз несколько портит картину. Поэтому долгое время категорию записывали как «2/3», что в результате начали читать как «две трети». Прочтение, хоть и неправильное, так и закрепилось.

Я ожидал, что «экзаменатор» будет удовлетворен правильным ответом. Ответ он и не оспаривал, но вот смотрел на меня несколько странно, будто силился в чем-то разобраться и все никак не мог. В конце концов он перевел взгляд на Раджера и сообщил:

– Хорошо, я согласен на занятия.

Мы с тюремщиком переглянулись, и, кажется, оба с трудом удержались от вздоха облегчения.

– Какое время вам подойдет? – спросил у меня Раджер.

– Я веду группу по вторникам и четвергам с четырех до пяти. Могу приходить сюда в пять, сразу после лекций, либо делать перерыв до шести.

Варианта приехать в тюрьму пораньше у меня не было.

– Лучше в пять, – высказался Макнэлл прежде, чем Раджер успел произнести хоть слово. – В шесть начинается смена Кортонна. Вряд ли нашему юному преподавателю стоит это наблюдать. – Теперь он обращался исключительно к тюремщику.

Тот, в отличие от меня, понял, о чем идет речь, и незамедлительно кивнул, проявив неожиданную солидарность с заключенным.

Решение было принято, и я улетел, предварительно подтвердив, что снова прибуду в тюрьму в следующий вторник.

² EQ (сокращенно) – коэффициент энцефализации.

Быть может, этого признания следует стыдиться, но к моменту возвращения домой я успел практически забыть о тяготах жизни в заключении. Накопилась собственная усталость, а дорога на общественном транспорте выматывала, учитывая, что мне пришлось пересечь приличную часть нашего совсем не маленького города. Частный транспорт у меня имелся, но он предназначался для несколько иных целей. Но по иронии судьбы для них я его использовать как раз и не мог.

Дверь подъезда была заперта, открыл ее, приложив большой палец правой руки к так называемой «замочной скважине». Ничего общего со «скважиной» кружок сенсорной панели не имел, но название, насколько мне известно, сохранилось с тех давних времен, когда речь действительно шла о сквозном отверстии. Поднявшись на третий этаж, повторил процедуру с дверью собственной квартиры, а затем еще и посмотрел в глазок. Сверив с базой данных отпечаток пальца и радужку, компьютер признал меня хозяином, и дверь беззвучно отъехала в сторону, чтобы снова закрыться, едва я оказался внутри.

Некоторые использовали более новую охранную технологию, считавшуюся не такой энергозатратной для жилья. Компьютер просто сканировал внешность приближающегося к двери человека и автоматически отпирали квартиру в случае, если признавал в нем одного из хозяев или же их родных и друзей, получивших постоянный доступ. Иногда к этой системе добавлялось опознавание голоса. Но этот современный способ уже успел прославиться как не очень надежный: при определенном уровне фантазии и технологической подкованности компьютер было не слишком сложно обмануть. Так что я вместе со многими другими владельцами квартир предпочитал подождать, когда систему усовершенствуют, до той поры используя проверенные средства. Не то чтобы уровень преступности у нас зашкаливал, но, как и в любом большом городе, случалось всякое.

Свет в прихожей включался автоматически, и я приступил к тому, что нужно было в моем руководстве.

– Температура в гостиной?

Ничего не произошло. Умный дом воспринял фразу как команду и ждал продолжения. Я раздраженно закатил глаза.

– Какова температура в гостиной? – На сей раз используется вопросительное слово.

– Девятнадцать градусов по Цельсию, – тут же ответил компьютер.

– Подними до двадцати двух.

Мой слух мгновенно уловил тихий гул заработавшего кондиционера.

– Наполни ванну. На две трети. Температура воды – тридцать семь градусов.

– Количество пены? – уточнил компьютер.

– Третий уровень. Одно полотенце для тела. Один комплект пижамы, умеренно подогретый, – продолжал раздавать указания, походя к шкафу.

Сняв с выдвинувшейся мне навстречу полки заказанное белье, шагнул в ванную. Настало время процедуры, которую можно позволить себе лишь раз в десять дней.

В шкафчике под зеркалом много флаконов и баночек, наличие которых в ванной комнате никого не удивит, но при этом истинное их назначение мало кому известно. Достаются две такие баночки и ставятся на стеклянную полку. В одной – густая мазь малоприятного коричневого оттенка. Она щедро наносится мной на висок, постепенно спускаясь ниже, вдоль линии уха, к краю челюсти. Потом процедура повторяется со второй стороной лица. Дальше на очереди – лоб и подбородок. Положено выждать две минуты, прежде чем смывать мазь почти прозрачной жидкостью из флакона. Тщательно вытеревшись полотенцем, внимательно смотрю на себя в зеркало.

На лице начинают постепенно проявляться тонкие углубления, словно шрамы, обрамляющие его со всех сторон. Приложив к ним обе руки – большие пальцы внизу, на подбо-

родке, средние и указательные – выше, в районе висков, медленно снимаю лицо. Точнее сказать, маску, усовершенствованную настолько, что от настоящего лица ее не отличишь – ни на цвет, ни на ощупь, ни по капелькам пота, проступающим на лбу, ни по их отсутствию в жаркую погоду. Плод идеального труда искуснейшего специалиста. И даже не одного, ибо изначальный рисунок создавал первоклассный художник, предварительно тщательно изучивший мое лицо. Мое подлинное лицо. Женское.

Глаза, понятное дело, те же, стального серого цвета, и ресницы в маске тоже собственные: не очень длинные, не завиваются кверху, в общем, не выдают свою хозяйку излишней женственностью. А вот линия бровей уже иная, вразлет, в отличие от тех, что на маске, густых и менее изогнутых. Подбородок сузился, изменилась форма носа: у маски он крупнее, крылья пошире, в то время как мой настоящий – чуть-чуть вздернутый. Цвет кожи ощутимо бледнее – не только из-за постоянного пребывания под маской, я вообще от природы не смуглая. Словом, иное лицо, иные черты, иной пол – все иное.

Из-за горячей воды, заполняющей ванну, зеркало запотело. Аккуратно опустив маску в посудину со специальным раствором, я протерла стекло рукавом и осторожно коснулась подушечками пальцев отражения собственного лба. Медленно провела рукой вниз, «по щеке». Иногда мне кажется, что я начала забывать этот образ, настолько привычным становится тот, второй.

Замдиректора тюрьмы был прав, говоря о том, что пратонцам на Новой Земле лучше иметь сыновей. Когда-то давно, во времена Второй межзвездной экспансии, люди селились небольшими группами на казавшихся пригодными для жизни планетах. Вроде бы они даже получали под это дело неплохие субсидии, поскольку таким образом земное правительство выясняло, какие из новых миров подходили для более основательного заселения. Пратон был одной из таких планет. Кислород, жидкая вода, вполне сносная для человека температура – казалось, все прекрасно. Но вскоре на планете обнаружили источники сильного радиоактивного излучения непонятной природы. Многие мигранты умерли, остальные спешно перебрались к своим братьям, обосновавшимся на других, более благополучных звездах. И лишь позднее выяснилось, что то воздействие, которому успели подвергнуться пратонцы, возымело определенный генетический эффект, проявлявшийся исключительно у девочек. Это было не уродство, не болезнь, можно даже сказать, наоборот, подарок природы. Пратонки обладали своего рода сверхспособностями, пускай не слишком внушительными, но все же недоступными обычным людям. Способности были связаны с мозговыми функциями и проявлялись у разных женщин неодинаково. Наиболее распространенным вариантом был телекинез. Не мощный, но позволявший передвинуть не очень тяжелый предмет на десять-пятнадцать сантиметров.

В чем же проблема, спросите вы. Проблема, как и в большинстве случаев, в людях. Наука до сих пор не могла объяснить причину феномена пратонцев, и необычная природа их – наших – способностей не давала покоя как правительству Новой Земли, так и профессорам всех мастей. Раскрыть секрет телекинеза и подобных ему явлений, объяснить и научиться воссоздавать то, что согласно известным законам физики должно лежать в плоскости невозможного, – это считалось задачей планетарного значения. Поэтому пратонки брали в оборот и вынуждали регулярно проходить всевозможные проверки, сканирования, облучения и томографии. Это не только существенно ограничивало их жизнь, но и имело пагубные последствия для здоровья. Однако правительство не отступало, считая, что здоровьем немногочисленных представительниц генменьшинства можно пожертвовать ради того, что считалось интересом человечества в целом.

Моя мать этих проверок не выдержала – умерла в возрасте тридцати шести лет при средней продолжительности жизни в сто двенадцать. Но прежде успела принять меры, чтобы ограждать свою дочь от такой же судьбы. Используя различные связи, в том числе знакомства моего отца, выдающегося исследователя-физика, а также наладив контакт с не самыми зако-

но послушными дельцами, она сумела организовать для меня, тогда еще ребенка, новые документы и... новое лицо. И с Северного континента на Южный вместе со своими родителями переселилась уже не Саманта, а Сэм Логсон. Даже опознавательную систему, основанную на отпечатках пальцев, удалось обмануть: помимо маски я получила столь же виртуозно сделанную «перчатку», неотличимую от подлинной кожи. Со временем все это пришлось обновить, но старые связи сохранились, так что с особыми сложностями повторный процесс сопряжен не был.

Убитый горем отец бросил государственную службу, не прислушавшись к тщетным попыткам начальства отговорить его от этого шага. Своими изобретениями он продолжал заниматься в домашней лаборатории и, можно сказать, нашел утешение в работе, хотя мать пережил только на десять лет.

Они ушли, а я осталась жить и ненавидеть эту планету всеми фибрами души. Вот только деваться отсюда мне было некуда. Нет, на Митос или Истерну, наши заселенные спутники, можно было отправиться без особого труда. Вот только смысла это не имело, поскольку по сути я бы переехала в провинцию все той же Новой Земли.

А вот с полетами на расстояние, превышающее полмиллиона километров, дело обстоит сложнее. Дороговизна – это еще не самое худшее. Благодаря своим многочисленным изобретениям отец успел скопить кое-какой капитал, и я могла позволить себе дорогостоящий перелет в другую звездную систему. Беда заключалась в том, что получить билет на подобный полет можно было, лишь благополучно пройдя медкомиссию. Она должна была подтвердить, что состояние здоровья пассажира пригодно для продолжительного космического путешествия. И все бы ничего, вот только в ходе проверок непременно выявили бы мой истинный пол.

Так я и оказалась узницей на собственной планете: с правом свободного перемещения по огромной территории, но запертой в жестких рамках чужой личности. Не подвергающейся принудительным опытам, но по иронии судьбы обязанной проходить предназначенную исключительно для мужчин Планетарную службу. Без родных и без друзей среди сверстников, поскольку, вынужденная маскироваться с самого детства, не ощущала себя ни полноценным мужчиной, ни в должной степени женщиной. Не имея определенных целей, не рисуя себе мало-мальски понятного будущего на ненавидимой планете. Даже не зная, какую профессию себе избрать. И только с направлением в учебу определилась легко, продолжая инстинктивно стремиться к иным звездам, тем самым, полет к которым в реальности был для меня закрыт.

Зато в силу все той же иронии судьбы двери в тюрьму были теперь для меня открыты. И когда наступил вторник, я в очередной раз отправилась туда.

Глава 3

– А почему мы не сняли пояс? – спросила я у Раджера, следом за ним спускаясь по ступеням. – Этот заключенный, Макнэлл, он ведь заперт в камере.

– Заперт, – согласился тюремщик. – За герцианским стеклом, его не разбить. Да дело даже не в стекле. Этот конкретный парень тебе ничего сделать и не попытался бы, уж поверь моему опыту, я семнадцать лет здесь работаю. Но правила есть правила. Раз контактируешь с арестантом, значит, пояс должен быть.

Я кивнула – стремления спорить и не было, так просто спросила – и молча преодолела последние ступеньки. Осужденный капитан поднялся нам навстречу; брови сошлись на переносице, в то время как тяжелый взгляд сверлил меня сквозь непроницаемое стекло.

Но разговор, после того как Раджер «включил звук», начался как ни в чем не бывало.

– Чему же вы собираетесь учить меня сегодня? – полюбопытствовал Макнэлл.

Присутствовала ли в его словах ирония, можно было решать, исходя лишь из логики: ни выражение лица, ни интонация подсказок не давали. Задействовать логическое мышление я умела и потому с уверенностью дала положительный ответ: ирония присутствовала, и еще какая.

– В предыдущей группе мы обсуждали планеты, заселенные в ходе Первой межзвездной экспансии, – сообщила я, садясь на высокий табурет. Кто-то заранее принес его и поставил с этой стороны стекла, видимо, специально для меня. – Но я подумал, что для вас это будет слишком очевидно. Поэтому хочу предложить другую тему. Как насчет животного мира планет четвертой категории?

– Неплохой вариант, – хмыкнул капитан. – На «четверках» нам по долгу службы доводится бывать нечасто. Обычно мы имеем дело с людьми и другими разумными расами.

Я мысленно отметила используемое им настоящее время – «доводится», «имеем». Непреднамеренная оговорка или принципиально выбранная формулировка? Сочтя, что заикливаться на этом внимание не стоит ни в том, ни в другом случае, приступила к уроку.

– Вот и отлично. Предлагаю начать с яйцекладущих.

Конечно, большую часть того, что я рассказывала, он уже знал. Но, возможно, хотя бы процентов десять информации оказались ему неизвестны. Да и в целом, как мне кажется, дискуссия, в которую быстро перерос урок – лекцией его назвать уж точно было нельзя, – доставила определенное удовольствие нам обоим.

Но под конец Макнэлл стал регулярно спрашивать у меня о времени, а если не спрашивал, все равно постоянно косился на мультифункциональные часы на моем запястье. Не вполне понимая, что бы это могло значить, я постаралась побыстрее завершить занятие, ошутимо скомкав конец. Может быть, заключенный устал, или ему надоело, или и вовсе не нравилось с самого начала, а недавний энтузиазм лишь привиделся мне, поскольку я стремилась выдать желаемое за действительное.

Почти добралась до ступенек, когда увидела спускавшегося навстречу мужчину в форме тюремщика, несшего поднос с местной посудой и что-то вроде накрытого крышкой бидона. Совершенно не знакомый мне человек, очень коротко постриженный, высокий и широкоплечий. Я посторонилась, освобождая ему проход в довольно-таки узком коридоре. Раджер успел уйти немного вперед. Запах, коснувшийся ноздрей, был намного менее приятным, чем я ощущала прежде на тюремной кухне. Интересно, ужин здесь настолько хуже обеда, или тех, кто сидит на нижнем этаже, в принципе кормят иначе? И главное, неужели именно эту трапезу капитан поджидал с таким нетерпением?

Поддавшись любопытству, я развернулась и тихонько направилась следом за тюремщиком, спина которого успела скрыться из виду в сложной системе здешних поворотов. Нагнала

как раз вовремя, чтобы увидеть, как тот переливает из бидона в тарелку похлебку малоприятного цвета. К потолку устремились струйки пара.

Прикоснувшись к нужному сенсору, охранник открыл в стеклянной стене прямоугольное окошко.

– Ужин! – громогласно объявил он.

Макнэлл приблизился, дабы принять тарелку. Я уже собиралась направиться обратно к лестнице, не вполне понимая, что здесь сейчас делаю, как вдруг тюремщик, рывкнув: «Жри, вражина!», резко опрокинул горячее варево на заключенного. Я отчетливо видела, как жидкость попала на лицо.

Самое странное было то, что капитан не закричал. Лишь громко зашипел и отшатнулся от стекла, прижимая руки к обожженной коже.

На какой-то миг я застыла, забыв, как дышать. Даже не заметила, в какой момент стриженный снова надавил на кнопку, и окно закрылось, словно затянувшись стеклянной пленкой.

Кто-то компактный и малодушный, сидящий внутри каждого человека, посоветовал тихо, на цыпочках, уйти, пока мое присутствие не заметили. Остановила мысль, что это будет не по-мужски, да и вообще противоречит чувству справедливости.

– Вы что, с ума сошли?! – Раз уж выбор сделан, мяться и жаться к стене смысла не имело. Я резко выступила вперед, будто все это время просто дожидалась удобного момента. – Кто вам дал такие права? Да я сейчас пойду с жалобой к директору тюрьмы!

– А на что? – Охранник и бровью не повел. Похоже, тот факт, что его поймали с поличным, этого человека нисколько не взволновал. – Ну уронил миску, с кем не бывает?

Ошарашенная такой наглостью, я уперла руку в бок.

– В таком случае как насчет оказания первой помощи пострадавшему? И почему не обратились в медицинский центр? Где средства от ожогов?

Тюремщик пренебрежительно передернул плечами.

– Ничего серьезного, само пройдет, – отмахнулся он. – А ты кто вообще такой? Я тебя в первый раз вижу.

– Новый преподаватель курса по астрономии.

Я скосила глаза на успешшего вернуться за мной Раджера. Слишком увлеклась, даже не обратила внимания на его появление.

– Ах, учитель, – без малейшего уважения к профессии протянул второй тюремщик. – Ну так и иди учительствуй, а меня поучать не надо.

Поддержки со стороны Раджера я не получила; напротив, он взял меня за локоть и практически потащил за собой.

– Что это такое?! – возмущенно прокряхтела я, сумев освободить руку, лишь когда мы поднялись по первым ступенькам. За это время я успела запыхаться, а в районе локтя наверняка образовались синяки. – Что за беспредел здесь творится? Да я прямо сейчас пойду с жалобой к директору тюрьмы или его заму. Кто-нибудь из них еще на работе?

– Нет, в такой час никого из них на службе не бывает, – бесстрастно ответил Раджер. Тюремщик удостоверился, что бежать обратно к камере я не стремлюсь, и позволил мне восходить по лестнице самостоятельно. – И не советую тебе приезжать сюда завтра пораньше, чтобы переговорить с кем-нибудь из них.

Я в недоумении уставилась на него, поскольку он практически снял готовую реплику с моего языка. Вместо родившейся в мозгу тирады с губ теперь слетел короткий вопрос:

– Почему?

– Я ведь говорил: начальство негласно одобряет такое обращение с не сознавшимися арестантами.

– Про такое обращение речи не было, – заупрямилась я.

Раджер безразлично пожал плечами: вести бессмысленный спор он был не настроен.

– То есть вот это всех устраивает? – переспросила я, отчего-то понизив голос.

Снова пожатие плечами, на сей раз призванное заменить положительный ответ.

– Система заинтересована в том, чтобы преступники делали официальное признание, – напомнил тюремщик.

Кстати сказать, сам он голоса не понижал.

– И выбивает это признание силой?

Раджер промолчал, но в выражении его глаз я прочитала одобрение: «Вот теперь ты начинаешь что-то понимать, птенец».

А действительно, что это я удивляюсь? Можно подумать, мне по собственному опыту не известно, сколь несовершенной и безнравственной бывает система.

– Ладно, но ведь это незаконно? – продолжала настаивать я. Врожденное упрямство, не иначе. – Он же может рассказать обо всем своим родным, а те – поднять шум?

– Заключение с нижнего этажа свидания запрещены, – невозмутимо просветил меня Раджер.

Я моргнула, принимая информацию к сведению. Ну да, вот еще один способ воздействия.

– Ну ладно, а камеры? На них же фиксируется все, что происходит!

– Непосредственно возле места заключения их нет.

– Что? – Я остановилась посреди лестничного проема, недоверчиво вытаращившись на сопровождающего.

– Съемка этого участка не ведется, – перефразировал он.

Видимо, чтобы до меня точно дошло.

– Но как такое может быть?

У меня безвольно опустились руки.

– Думаю, ты и сам догадаешься. – Тюремщик продолжил подниматься как ни в чем не бывало. Это заставило меня выйти из ступора, дабы не отстать. – Так у Кортонна и ему подобных больше свободы.

Кортон... Кажется, я уже слышала это имя. В любом случае речь явно о том охраннике, что принес Макнэллу еду.

– Ладно, – подобная предусмотрительность местной власти меня уже не удивляла, в недоумение вводило иное, – а если что-нибудь произойдет? Чрезвычайная ситуация?

– Не может быть никакой чрезвычайной ситуации, – отрезал Раджер с уже знакомой мне убежденностью. – Система безопасности на таких участках отработана в совершенстве.

– Хорошо, допустим, до тюремщика заключенный не доберется, – приняла, спора ради, точку зрения оппонента, – а если он сбежит? Найдет способ открыть дверь камеры? Сам или с посторонней помощью, что тогда?

– Вот именно: что тогда? – эхом повторил Раджер. – Выход из тюрьмы далеко, подкоп не сделаешь. Дальше ему пришлось бы идти по коридору, а там снимается чуть ли не каждый миллиметр. При любой ситуации, выходящей за рамки обыденного, дежурному подается сигнал. Если ситуация подпадает под категорию чрезвычайной – скажем, компьютер фиксирует угрозу человеческой жизни, автоматически включается сирена.

– А если он ударит кого-нибудь местного по темечку, затащит в камеру, а сам переоденется в униформу? – не унималась я.

Строго говоря, это было уже не заступничество, а этакая логическая игра, головоломка, в ходе которой я пыталась найти брешь в системе защиты. Признаю, что меня слегка занесло, но, впрочем, с кем не бывает?

– Компьютер распознает лица. – Наверное, я не первая, кто приставал к охраннику с подобными дурацкими вопросами. Во всяком случае вид у него был почти скучающий. – Ты у него в базе данных, как и я. А вот Макнэлл... Он тоже в базе данных, но совсем в другом качестве.

– Но ведь система распознавания лиц пока несовершенна. – Я попыталась сделать последнюю попытку, уже понимая, что безнадежно проигрываю.

– Не совершенна, но и не плоха, – не впечатлился аргументом Раджер. – И потом, выход из тюрьмы – рядом с будкой охраны и только после проверки отпечатка пальца. Как он обойдет все эти ограничения?

Тут я не нашлась, что ответить.

Вернувшись к себе, направились напрямиком к ноутбуку, забыв даже разуться или заказать умному дому свет в гостиной. Ограничилась зеленоватым сиянием лампы, которую компьютер включил автоматически, едва засек мое появление в комнате. Из плоского и голографического режима выбрала первый. Новейшие исследования медиков подтвердили то, что я интуитивно чувствовала уже давно: чтение более полезно для глаз в двухмерном изображении. Голограммы следует приберечь для фильмов, общения, игр, виртуальных карт и прочих визуальных программ.

Далее подключилась к НЗС, глобальной новоземской сети. Можно было выбрать и межпланетную, но за ее использование пришлось бы платить, плюс скорость планетарнета там не ахти. НЗС же, наоборот, работала как часы, и к ней можно было бесплатно подключиться с любой точки планеты. С любой на- или надземной точки, строго говоря. Впрочем, в последнее время в связи с увеличением йелондского туризма все больше компаний старались обеспечить доступ к сети и в подводном мире.

Так или иначе, я сочла, что в данном конкретном случае НЗС будет достаточно. Все же преступник был гражданином Новой Земли, да и убийство совершено здесь же. Введя в поисковую строку имя «Рейер Макнэлл», подумала и добавила в начале «капитан», чтобы сделать запрос более точным.

Ого, сколько результатов! А арестант-то намного популярнее простых смертных вроде меня. Хотя не исключено, что популярности прибавилось как раз после того, как он стал арестантом. Споры насчет его виновности велись на ряде известных форумов. Но сначала факты.

Я пробегала текст глазами, сменяя страницы и замедляя темп чтения там, где информация казалась наиболее существенной и достоверной. Сайт, на котором было написано, что капитан – оборотень, карауливший своих жертв в темных переулках, сразу внесла в черный список, чтобы подобный бред никогда больше не открывался на моем ноуте. Но было и много более логичного либо нейтрального. Итак, Рейер Макнэлл, уроженец Новой Земли в третьем поколении, тридцать шесть лет, вдовец, детей нет. Отец, Артур Макнэлл, в течение сорока лет работал механиком на космических кораблях всех возможных видов. Нередко брал сына с собой еще ребенком. В пятнадцать лет Макнэлл-младший был официально зачислен юнгой на судно, на котором служил в тот момент его отец. Школу заканчивал заочно, но аттестацию получил отличную. Впоследствии обучался космопилотированию и прикладной астрономии в Общепланетарном новоземском университете (ОНУ), где в данный момент числилась студенткой и я. Отсрочку на получение степени дала армия, она же оплачивала учебу. С возраста двадцати пяти лет Макнэлл проходил военную службу на патрульных кораблях. Два года назад возведен в ранг капитана. До недавнего времени служил на звездолете «Галалэнд».

Я увеличила одну из фотографий, затем перевела изображение в голографический режим. Похоже, с момента, когда был сделан снимок, Макнэлл успел похудеть по меньшей мере на десять кило. Впрочем, на тюремном питании – неудивительно. Морщин здесь практически не было, синяков под глазами тоже, и одет он был в стильную серую форму военного звездного флота. Словом, образ, хоть и узнаваемый, очень сильно отличался от узника, которого я дважды видела за стеклом камеры.

Ладно, теперь собственно об убийстве. Пятого числа осеннего месяца тишрея жена осужденного, Линда Макнэлл, была убита в малолюдном месте выстрелом из эксплоудера. Вари-

ант террористического акта отмечен полицией практически сразу: всего одна жертва, да и оружие прицельное. Алиби у капитана нет. Улики... Объяснения Рейера Макнэлла касательно его местонахождения в момент убийства полиция считает неубедительными... «Галалэнд» должен был покинуть Новую Землю через несколько часов после преступления, и предполагаемый убийца получил бы возможность избежать правосудия.

Причина убийства – ревность. Отчего-то это безумно меня удивило. Ну не вязалось с образом встреченного в тюрьме заключенного, и все тут. Хотя, казалось бы, что может быть глупее? Я его совершенно не знаю, и у меня нет возможности мало-мальски объективно определить, на что он способен, а на что – нет. В сущности, ревность как раз и является одной из основных причин убийства жены мужем. Или наследство. Или если жена просто надоела за долгие годы совместной жизни. Если честно, то именно последняя причина казалась мне наиболее логичной. Когда человек вечно мелькает у тебя перед глазами, туда-сюда, это же с ума сойти можно! Вот если я когда-нибудь кого-нибудь убью, то именно поэтому.

Правда, мне подобное не грозит – для меня брак невозможен по определению. Ну, как «невозможен»? Чисто теоретически возможно изображать на людях пару геев. Однополым браком сегодня никого не удивишь. Но где ж найти гетеросексуального мужчину, который бы на это согласился? Да еще и такого, которому можно было бы довериться. А главное – надо ли искать? Чтобы потом захотелось его же прикончить?

Но ближе к делу. Полиция выяснила, что у Линды Макнэлл был любовник, некий программист по имени Кен Хендрейк. Рейер о неверности супруги знал – согласно его собственному признанию. И неоднократно высказывал предположение, что именно любовник убил Линду. На форумах на этой же версии активно настаивали его сторонники. Тут, однако, имелась неувязка: Кен Хендрейк покинул планету за день до убийства. Причем оставил предсмертную записку, из которой следовало, что вылет его был путешествием в один конец... Я нахмурилась. Было в этом нечто подозрительное, будто парень заранее знал о готовящемся преступлении и поспешил создать себе алиби. Так или иначе, получилось у него безупречно: совершить убийство с помощью эксплоудера из космоса он никак не мог. Итог: мужа обвинили в предумышленном убийстве и посадили в тюрьму на сорок лет. Звания, естественно, лишили.

В задумчивости я слегка повернула голову и тут же чертыхнулась. Режим автофокуса отследил движение глаз и выдвинул на полный экран боковое окошко, на которое случайно упал мой взгляд. Все-таки не зря в последнее время разработчики стали отказываться от системы айтрекинга в пользу более традиционных сенсорных дисплеев.

Впрочем, всю более-менее достоверную информацию я, похоже, уже прочитала. Дальше пошли домыслы и споры. Я отвернулась от дисплея, и компьютер, отследив этот факт (все-таки в автофокусе есть свои плюсы), включил экранную заставку. Вздохнув, поднялась на ноги и подошла к окну. Бесспорно, за последний час я многое узнала о Рейере Макнэлле. Однако понятнее от этого ничего не стало.

Не скрою, мне пришлось чуть ли не силой удерживать себя от порывов отправиться в тюрьму на следующий же день. Мысленно надавав себе по щекам и призвав к благоразумию, я сумела выждать необходимое время и на место прохождения ПС прибыла в четверг. Правда, немного раньше положенного ушла с занятий. Закончив лекцию в своей основной группе, решительным шагом направилась к лестнице.

Неизменный Раджер сопроводил меня на нижний этаж. Достигнув застекленной камеры, я развернулась к тюремщику.

– Могу я передать ему средство от ожогов?

Произнесла таким требовательным тоном, что принять это обращение за вопрос было сложно.

Раджер поджал губы и наморщил лоб, что-то прикидывая.

– Оставить в камере – нет, – сказал он затем. – Но он может воспользоваться лекарством, пока ты здесь. Что за средство?

Под его взглядом я послушно извлекла из внутреннего кармана куртки коробочку с исцеляющей бумагой. Вытянув верхний слой, продемонстрировала тюремщику.

– Ладно, – кивнул тот. – Я передам ему через окно. В конце занятия заберешь.

– У него хотя бы есть зеркало?

– Что? – Раджер непонимающе нахмурился.

– Зеркало, – повторила я, для наглядности жестикулируя. – У него ожоги на лице, он не сможет как следует обработать их, не видя. Так... – Выражение лица охранника, не оставлявшее сомнений в отрицательном ответе, помогло принять решение. – Пустите меня внутрь.

– С какой стати? – Раджер напрягся.

– С такой. Я помогу ему с медицинской процедурой. Да ладно вам! – с нажимом добавила я. – Вы же сами мне говорили, что опасности от него не исходит.

Тюремщик раздумывал еще секунд пять.

– Ну хорошо, – решил он затем. – Но под твою ответственность. Пояс не выключай.

Нажал пару кнопок, переводя мой невидимый щит в нужный режим.

– Не буду, – пообещала я.

Добившись, чего хотела, была готова стать кроткой и покладистой.

Раджер коснулся пальцем очередной сенсорной панели. Стеклопанельная преграда не отъехала в сторону, как я ожидала, а словно впиталась в пол, потолок и боковые стены, предварительно разделившись на четыре части. Стало быть, окно, которое я видела прежде, было вовсе даже не окном. Просто включенный тогда режим убирал стену не полностью, а частично.

Капитан, до сих пор не имевший возможности слышать наш разговор, удивленно наблюдал, как исчезает стекло, а я вхожу в камеру.

– Закрываю, – предупредил Раджер.

Я кивнула, не оборачиваясь. С легким шорохом, будто речь шла не о стекле, а об антикварной тюлевой занавеске, стена возвратилась на прежнее место. Не могу сказать, чтобы мне не было страшно. Было. В голове мелкой пичугой, залетевшей в комнату и не находящей выхода наружу, металась мысль: «Ненормальная, куда ты полезла?! Он же убийца, и ему терять практически нечего! А если он тебя придушит, покалечит, возьмет в заложники?»

– Добрый день, – поприветствовала я капитана, вместо того чтобы прислушаться к голосу рассудка.

– Добрый! – с прежним нескрываемым удивлением откликнулся он.

И продолжил изучающе меня рассматривать. Как экспонат Музея космоархеологии.

– Давайте обработаем ваши ожоги, – предложила я, стараясь, чтобы голос звучал максимально уверенно.

– А ты смелый парень, – заметил Макнэлл, склонив голову набок.

– Угу. В учителя другие не идут, – поддакнула я, извлекая из коробочки первый белый прямоугольник.

Бумагой «исцеляющая бумага», конечно, не являлась. Настоящую бумагу вообще днем с огнем было не сыскать. Художники-ценители с огромным трудом и за большие деньги доставали драгоценные листы, выпускавшиеся на планете Грин. Но большинство ограничивалось сенсорным творчеством на голографических панелях и прозрачных экранах.

Впрочем, я отвлеклась от главного, и не случайно. Страх быстро отступал, а вот с чувством вины дело обстояло противоположным образом. Чем дольше я смотрела на капитана, тем сильнее колола совесть: надо было приехать вчера. Крупные красные пятна уродовали правую сторону лица – наверное, именно этой стороной он повернулся ближе к Кортону, готовясь принять тарелку. Едва ли не самая большая пораженная область протянулась до уголка глаза.

Хорошо еще, что он не ослеп наполовину! Ниже кожа была чище, я заметила только небольшой ожог на подбородке.

Осторожно приложила бумагу к лицу заключенного. Лист тут же начал сморщиваться и менять форму, подстраиваясь под пятно. Вскоре он уже держался сам, и я смогла убрать руку. Определив свойство и уровень недуга, медикамент начал выполнять свою работу. Я извлекла из коробочки следующую порцию. Капитан вел себя спокойно, моим действиям не мешал.

– Зрение не пострадало? – все-таки решила уточнить.

– Глаз в порядке, – слегка поморщившись, видимо, от воспоминания, ответил он.

Я перешла к третьему куску бумаги. Для лица – последнему, но оставался еще один ожог на шее.

– Как насчет занятия? – поинтересовался Макнэлл.

– Разок можно и обойтись, – констатировала хладнокровно, – не думаю, что вы пропустите что-нибудь важное.

В тот момент он промолчал, но когда я закончила, и четвертый листок приобрел форму изуродовавшего кожу пятна, заговорил снова.

– Не стоит тебе продолжать сюда ходить, парень. Лучше оставайся там, наверху. Это, – он на миг опустил взгляд на упаковку, которую я не успела убрать в карман куртки, – всего лишь один случай, не самый худший. Останешься здесь – насмотришься всякого. А тебе оно не надо. Молодой еще, да и не из того теста сделан.

– Ну, с этим я сам определюсь, – отозвалась, не собираясь следовать его совету.

Убедившись, что необходимое для лечебного воздействия время прошло, стала аккуратно снимать бумагу. Еще несколько дней, и от ожогов не останется следа. Это средство заживляет и более серьезные повреждения тканей.

– Вы действительно ее не убивали? – тихо спросила, осторожно отводя руку от лица капитана.

Взгляд Макнэлла тут же стал враждебным, а мышцы напряглись.

– Вам известно, почему я нахожусь в этой части тюрьмы? – ледяным тоном любопытствовал он.

– Да.

– В таком случае не понимаю цели вопроса. Вы всерьез ожидаете, что я вот так, между делом, признаю за собой вину?

– Нет. Простите.

Процедура была закончена, обстановка накалилась, и я не видела причин задерживаться в камере. Раджер отпер ее по моему знаку.

Однако отказываться от занятий я не собиралась. И в следующий вторник пришла снова.

Пришла – и чрезвычайно обрадовалась. Тому, что снова прихватила с собой коробочку с медикаментом.

Нет, сначала я ничего не заметила. В момент нашего с Раджером появления Макнэлл занимался тем, что отжимался от пола. Как сообщил мне тюремщик, ситуация вполне стандартная, по-видимому, капитан даже в заключении не желал терять форму. Возможно, продолжал на что-то надеяться, а может, просто стремился таким образом сохранить человеческое достоинство. Трудно сказать, чужая душа – потемки.

Следы случившегося в мое отсутствие я обнаружила, когда заметивший наше появление Макнэлл прервал свое занятие, поднялся на ноги и надел тюремную рубашку. Ее рукав был порван, длинный лоскут свисал от плеча до локтевого сгиба. Первым делом я обратила внимание именно на это. Во вторую очередь – на крупный синяк как раз на том участке кожи, который обнажался из-за поврежденной одежды. И, наконец, настала очередь двух гематом на лице, наливавшихся багрово-фиолетовым цветом. Левая скула и подбородок.

Возмущенно зыркнув на полного невозмутимости Раджера, я не стала никак комментировать увиденное, лишь холодно попросила снова впустить меня в камеру. Причем теперь не испытывая ни малейшего страха. Хотел бы Макнэлл что-нибудь со мной сделать – сделал бы в прошлый раз.

– Что это? – коротко спросила капитана, не удосужившись даже поздороваться, зато сразу же потянувшись за целебной бумагой.

– Допрос.

Он оставался почти таким же невозмутимым, как Раджер. Складывалось впечатление, будто меня одну выводит из равновесия происходящее на этом этаже. В некотором смысле так оно и было: оба присутствующих мужчины успели привыкнуть к здешним реалиям. Разумеется, капитану не было, да и не могло быть все равно. Однако происходящее ни капли его не удивляло. Наверняка злило, ввергало в отчаяние, но не погружало в то состояние шока и недоумения, которое преследовало меня.

– Здесь, в камере, я так понимаю? – уточнила, подразумевая тот факт, что в этой части тюрьмы видеосъемка не ведется.

– Я вообще выхожу отсюда крайне редко, – подтвердил мое предположение капитан.

К занятиям астрономией мы в тот раз, конечно же, не перешли.

Именно тогда я впервые отчетливо поняла, что не могу оставить все как есть. Даже в вопросе виновности Макнэлла было нечто второстепенное. Я оказалась не готова мириться с обстоятельствами независимо от того, убил он свою жену или нет. Однако же мне хватило ума не поднимать шум прямо здесь, в тюрьме. Не устраивать скандал, до которого никому не будет никакого дела. Я успела понять, какова негласная позиция местного начальства. Иллюзий относительно обращения к начальству более высокому тоже не питала. Из опыта собственной семьи мне было отлично известно, что такое система и насколько бессмысленно бывает в подобных случаях выступать против нее таким рядовым новоземцам, как я. Тем не менее собственный же опыт свидетельствовал, что систему возможно обойти.

Ничего похожего на конкретный план у меня в голове пока еще не было. Сказать по правде, первоначальная идея заключалась в том, чтобы найти кого-нибудь, кто знает больше, чем я, а заодно имеет значительные рычаги давления. Естественным стремлением в этой ситуации было связаться с членами экипажа Макнэлла. Именно их поисками я первым делом и занялась, вернувшись домой. Однако меня ожидало разочарование: около трех недель назад «Галалэнд» отправился в продолжительный полет по заданию ВБС, и возвращение корабля предполагалось не ранее чем через месяц.

Всерьез расстроившись, я все-таки продолжила поиски в сети.

Глава 4

Нажав кнопку вызова, я замерла у входной двери, в волнении сцепив руки. Сверху на лестничную клетку строго взирал глазок домофонной камеры. Значит, с той стороны, в прихожей, возникла моя трехмерная проекция. Вероятнее всего, высококачественная: хозяйева дома явно не бедствовали. В материальном плане, имею в виду. В остальном дела обстояли куда хуже.

Я не должна была сюда приходить. Мне не следовало разыскивать этих людей и вмешиваться в их жизнь. Более того, сама до сих пор не до конца понимала, отчего действую вопреки всем очевидным обстоятельствам. Но дело сделано, о своем появлении уже оповестила, и отступать поздно.

– Здравствуйте.

Одновременно со звуком мужского голоса, слегка искаженным из-за микрофона, на пороге появилось голографическое изображение его обладателя. Наверняка хозяин дома. Высокий человек крепкого телосложения не старше семидесяти лет – не так уж много при нынешней продолжительности жизни – был, тем не менее, совершенно седым.

– Чем могу быть полезен?

– Добрый день. Прошу прощения за беспокойство, господин Макнэлл. Меня зовут Сэм Логсон. Я работаю в 34-й городской тюрьме...

– Входите, – оборвал меня голос прежде, чем я успела изложить причину своего визита.

Голограмма исчезла, будто ее никогда не существовало, а дверная панель отъехала в сторону.

– Проходите, – напряженно повторил все тот же седовласый мужчина, только на сей раз не спроецированный, а реальный.

– Благодарю вас.

Я вошла в небольшую прихожую, из которой открывался вид на гостиную.

– Что с нашим сыном?

В голосе хозяина дома хрипотцой отразилось волнение. В очередной раз кляня себя на чем свет стоит за этот визит, поспешила его успокоить.

– С ним ничего не случилось. Он в полном порядке – насколько это возможно, учитывая обстоятельства. – Пожалуй, благодаря выбранной формулировке не так уж и солгала. – Просто так получилось, что я время от времени его вижу, и я подумал – вы захотите получить о нем весть. Не более того.

Поза Артура Макнэлла стала более расслабленной, и он кивнул. А я впервые заметила присутствие при разговоре третьего лица. Женщина, ниже ростом и лет на десять моложе Макнэлла, светлые волосы повязаны синей косынкой. Скорее всего, мать Рейера. Об этом свидетельствовала и та тревога, с которой она прислушивалась к диалогу. Стояла неподалеку, у самой стены, ничего не говорила, но ловила каждое мое слово.

– И как он? – спросил Артур.

– В порядке, – повторила я. – Он здоров, одет, обут. Хорошо держится. Занимается спортом, проходит курсы в рамках образовательной программы континентальных тюрем. Свидания ему не позволяют, вот я и подумал... – В очередной раз почувствовала, что пришла зря: и сказать-то толком нечего, так, чтобы и не солгать, и не заставить родителей беспокоиться сильнее прежнего. – Словом, вот более-менее и все. Пожалуй, я пойду.

Не глядя Макнэллам в глаза, развернулась к дверной панели, но хозяин дома меня остановил.

– Подождите. – В его голосе, вопреки моим иррациональным ожиданиям, не было ни неприязни, ни упрека. Последовавшее за этим предложение окончательно выбило меня из колеи. – Пообедаете с нами?

– М-м-м... – нечленораздельно промычала, не зная, что ответить.

Поворот был, прямо сказать, неожиданный, а я, положа руку на сердце, почувствовала бы себя куда как спокойнее, оказавшись по ту сторону двери. Но мужчина взирал на меня с не вполне понятной надеждой, а его жена и вовсе умоляюще. И я согласно кивнула.

Мы прошли в гостиную, совмещенную с кухней. Меня посадили за широкий обеденный стол. Подумалось, что за таким должно быть одиноко сидеть вдвоем. Хотя мысль неуместная: даже пока капитан был на свободе, он точно давно уже не жил с родителями, стало быть, и пищу принимал в другом месте. Дома с женой, например. Мда...

– Что вы предпочитаете, мясо или рыбу? – заботливо спросила женщина.

От такого гостеприимства мне, ясное дело, стало еще более неловко.

– Спасибо, это не имеет значения, я все ем, э-э...

– Зовите меня просто Луизой.

– Луиза, большое спасибо, буду есть то, что вы предложите. Я вообще планировал заскочить только на минутку, все передать и уйти. Наверное, зря вас побеспокоил.

– Нет-нет, совсем наоборот, – возразил Артур. – Ваш приход для нас очень важен.

Его жена энергично покивала. Она подошла к холодильнику, и на дверце высветились многочисленные квадратики с изображениями продуктов. Овощи, фрукты, упаковки с замороженным мясом, макароны, рыба на сковороде... Луиза касалась нужных ей квадратиков, и соответствующие блюда одно за другим выезжали наружу, предварительно перемещаемые механизмом холодильника в специальный выдвижной ящик. Я обратила внимание на дополнительный рукав, тянущийся от морозильной камеры к духовке. Стало быть, здесь была возможность запрограммировать кухонную технику так, чтобы еда размораживалась и готовилась без непосредственного вмешательства человека. Удобная система, но недешевая.

– Вы, должно быть, попали в тюрьму через Планетарную службу? – спросила Луиза, когда тарелки и сотейники уже стояли на столе.

– Да.

Мысленно похвалила хозяйку дома за проницательность, хотя в целом догадаться было не так уж сложно: все-таки перед ней сидел молодой человек самого что ни на есть ПС-ного возраста. По крайней мере в ее представлении.

– Служите в сфере охраны? – подключился к разговору Артур.

– Нет. Я преподаю. Веду курс в рамках тюремной образовательной программы.

– Ах, вот оно что. Значит, это вы обучаете Рэя.

Потребовалась пара секунд, прежде чем я сообразила, что Рэй – это и есть капитан Рейер Макнэлл.

– И что вы преподаете? – полюбопытствовал хозяин дома.

Я в очередной раз почувствовала себя по-дурачки.

– Теоретическую астрономию, – призналась после короткой заминки. – Разумеется, как предмет она вашему сыну не требуется. Но в тюрьме у подобных курсов другое предназначение...

– Я понимаю. – Макнэлл-старший серьезно кивнул, и я осознала: вдаваться в объяснения действительно не нужно.

Какое-то время мы обедали в молчании. Кусок в горло не лез, и это не имело ни малейшего отношения к вкусовым качествам еды, но я старалась. Отложив вилку, встретилась глазами с Луизой.

– Скажите... у него потухший взгляд?

Несмотря на всю напряженность ситуации, мне чем-то невероятно понравился этот вопрос. Было в нем нечто правильное, значительно более уместное, чем, к примеру, ожидаемое от матери «Хорошо ли его кормят?».

– Нет, – ответила мягко, покачав головой. И прищурилась, восстанавливая в памяти облик капитана. Будто включая перед мысленным взором голографическое изображение. – Какой угодно, только не потухший. Даже если брать худшее, то скорее злой.

– Злой – это хорошо, – заявил Артур, мрачно глядя на покрывающую стол скатерть.

– Он отлично держится, – добавила я. – И не признает себя виновным.

– Он невиновен, – убежденно кивнула Луиза.

– Потому что не способен на убийство? – уточнила.

Признаюсь, этот вопрос я задала с ноткой снисходительности. Конечно, родители всегда примут сторону своего сына, вот только ни для суда, ни для меня лично их точка зрения не играла решающей роли. Но, к моему удивлению, мать капитана отрицательно покачала головой.

– Ерунда, – поддержал ее Артур. – Каждый человек способен на убийство.

– Вы так полагаете? – удивилась я этому заявлению.

– Уверен. Способен каждый. Вопрос только в том, ради чего. Возьмем хотя бы меня. Я не пойду грабить людей и сворачивать им шеи на большой дороге. Но за свою жену или сына запросто проломлю череп любому.

Последние слова он произнес столь решительно, что я невольно поежилась. Хотя и не думала злоумышлять против его семьи. А еще вспомнился высокий толстяк из моей тюремной группы, с таким неудачным исходом заступившийся за собственную жену.

– А ваш сын...

Мне все-таки очень хотелось, чтобы Артур развил свою мысль. Слишком велико было желание разобраться, что же случилось с Линдой Макнэлл и действительно ли к этому причастен капитан.

– Мой сын – военный, – не стал увильнуть от объяснений хозяин дома. – Он сам выбрал свою работу. Естественно, он способен убить – при определенных обстоятельствах. Вот только убивать Линду у него не было никаких причин.

– В суде вроде бы речь шла о ревности, – осторожно заметила я.

Артур скривился и махнул рукой, словно скидывал со стола что-то ненужное.

– Убить из ревности можно, когда страстно любишь или отчаянно ненавидишь, – отрезал он. – А Рэй не испытывал к Линде сильных чувств. Да глупости это все, Луиза, – добавил он, заметив предостерегающий взгляд жены. – Они его уже списали, разговорами хуже не сделаешь. Они были женаты восемь лет, – продолжал Артур. – Поженились слишком рано, такое мое мнение. Двадцать восемь – не возраст.

– Ему было двадцать восемь? – уточнила я.

– Они одногодки, так что обоим. Потом он постоянно летал, а ей это не нравилось... Обычная история. Только святые женщины вроде моей жены выдерживают жизнь с флотскими.

Он устремил на Луизу неожиданно нежный взгляд, какого не ожидаешь от столь твердого и прямолинейного человека.

– Лъстец, – закатила та глаза.

– Либо такие же, как мы, непоседы, у которых тоже шило в одном месте, и оттого им легче нас понять, – продолжал Макнэлл. – Линда не относилась ни к тем, ни к другим. Потихоньку каждый стал жить своей жизнью. Если бы один захотел развода, другой согласился бы без лишних вопросов. Там все было слишком ровно. Никакого повода для убийства.

В молчании, наступившем после его убедительной речи, я тщетно пыталась понять, что же произошло на самом деле. Может быть, я была права с самого начала, и капитану просто надоело, что жена постоянно путается у него под ногами? Но нет, учитывая выдержку Мак-

нэлла-младшего, в это верилось с трудом. Тем более если он мало бывал дома и имел возможность отдохнуть от семейной жизни. Вот вспышку ревности с его стороны я почему-то могла легко себе представить. Но если верить Артуру, в данном случае эта версия отпадала...

Луиза еще немного посидела, сцепив руки, а потом встала и принялась убирать со стола.

– Скажи мне, Сэм... – Такое обращение было несколько фамильярным, но отчего-то не вызвало чувства отторжения. То ли естественно воспринималось в силу разницы в возрасте, то ли просто гармонировало с типажом бывшего космомеханика. – Вы с моим сыном состоите в близких отношениях, ведь так?

Голос он понизил, для того чтобы не услышала жена.

Пронзительный взгляд из-под насупленных бровей сверлил меня, требуя ответа.

Я прикинула, что может означать в данном контексте фраза «близкие отношения», сделала правильный вывод и с чувством выдохнула:

– Нет, конечно!

Артур успокаивающе приподнял руку, покосился в сторону Луизы. Та если и заметила, что у нас происходит нечто выходящее за рамки светского разговора, то виду не подала.

– Я... придерживаюсь традиционной сексуальной ориентации. – Макнэлл не испытывал чувства неловкости в связи с затронутой темой, однако и подбирать подходящие слова ему, похоже, было нелегко, поэтому говорил он медленно. – И всегда относился к альтернативе с некоторым неодобрением. Вкусы моего сына тоже были традиционными. Однако я не вчера родился и понимаю, что в тюрьме некоторые вещи меняются. И я не стану осуждать за это Рэя. Наоборот. В данном случае я был бы рад знать, что рядом с ним есть близкий человек. Пол этого человека уже второстепенен.

– Уверяю вас, – я приложила ладонь к груди, – моя ориентация столь же традиционна, что и ваша и, несомненно, вашего сына. Просто я регулярно с ним вижу и невольно проникся к нему уважением. А поскольку свидания ему запрещены, решил зайти к вам... хоть это и против правил.

Артур кивнул, принимая мой ответ. Меж тем к нам снова присоединилась Луиза.

– Скажите, можем мы передать Рэю письмо? – спросила она, напряженно заглядывая мне в глаза.

– Вообще-то нет.

Эти слова дались мне нелегко, но вариантов я не видела. Хотя... Закусила губу, оценивая собственную идею. Родители капитана покорно ждали моего решения.

– На уроках я имею право использовать карты звездного неба. И даже могу оставить их заклю... студенту, – быстро исправилась. – Минутку.

Вышла в прихожую, где на крючке висела моя сумка, и извлекла оттуда гибкий экран, свернутый в тонкую трубочку. Эта модель называлась «единый лист»: на ней нельзя было сохранить никаких данных помимо тех, что высвечивались непосредственно на дисплее. То есть, по сути, это была одна-единственная электронная страница. Вы спросите, зачем такие сложности? Например, для экзаменов. Модель позволяла удостовериться, что помимо разрешенных к использованию формул студенты не протащат на своем носителе информации никаких шпаргалок. Или вот мой случай. Передать заключенному какой-либо другой гаджет я бы не смогла.

– Прямо написать письмо нельзя, – уточнила я очевидное, разворачивая экран, на котором сразу же высветилась карта нашей звездной системы. – Но если добавить что-нибудь так, чтобы не бросалось в глаза...

Дальше объяснять не потребовалось. Получив электронный лист, чета Макнэлл удалилась в соседнюю комнату, предварительно снабдив меня чашкой чая и какой-то выпечкой. Чем точно, не знаю. Аппетита у меня не было.

Вернувшись через некоторое время, они вручили мне экран. Я присмотрелась и уважительно присвистнула.

– Моя жена отлично рисует, – с гордостью заметил Артур.

На карте добавилось ровно две детали. Первая – руки, как бы обвивающие Новую Землю, и я почему-то была уверена, что они – женские. Символика – вещь на астрономической карте допустимая, учитывая мифологическую природу многих названий. Вторая деталь – белый парусник, застывший в космосе рядом с нашим вторым по величине спутником, Истерной.

Не став ни о чем расспрашивать, я просто кивнула. Обменявшись благодарностями и попрощавшись с хозяевами, отправилась домой. Послание было завуалированным, но, надо думать, сын своих родителей поймет. Хотя, признаться, белый парусник долгое время не выходил у меня из головы.

– Какого дьявола тебе понадобилось у моих родителей?!

Капитан схватил меня за грудки и встряхнул так, что, казалось, мозги вот-вот высыплются из головы. Раджер этого не видел. Я дала понять, что в его постоянном присутствии нет необходимости, и теперь регулярно проводила занятия в камере, все было спокойно.

В случае необходимости обещала нажать кнопку тревоги на своем поясе, каковой, впрочем, сегодня не сочла нужным активировать. Однако вместо этого, тоже разозлившись, я схватила капитана за рубашку и оттолкнула с силой, которая оказалась для него неожиданной, хотя и не могла поспорить с его собственной. Дело было не только во вспышке гнева. Просто единственное, чего мне не хватало, так это чтобы Макнэлл ощутил ненароком наличие у меня той части тела, которую я тщательно скрывала. Долгие годы, между прочим. Размер груди был, к счастью, маленьким, к тому же я как следует обматывала ее эластичной тканью и никогда не носила облегающую одежду. И уж никак не готова была допустить, чтобы меня раскрыли в результате такой несанкционированной близости.

– Они не видели вас целый месяц! – рявкнула я, воспользовавшись тем, что между нами образовалось расстояние в несколько шагов. Мысли о том, чтобы выбежать из камеры, даже не возникло. – Месяц! Вы хотя бы понимаете, что это такое для родителей? Не получать никаких новостей, жить в полном неведении? Даже на то, что вы живы, всего лишь надеяться?

Капитан не то чтобы проявил признаки раскаяния, но как-то сдулся, опустил руки и явно утратил желание наброситься на меня вторично. Желание, еще пару секунд назад отчетливо читавшееся на его лице.

– И что ты им наговорил? – укоризненно спросил он. Недавний гнев еще догорал во взгляде, но этот огонь не нес угрозы. Если, конечно, не дать ему новую пищу. – Подробно рассказал, «как у меня дела»? – Губы Макнэлла скривились в подобии гримасы.

– Нет, конечно, – отозвалась я, жестом показывая, что тоже иду на примирение. – Всего лишь сообщил, что вы здоровы и в порядке – ну, насколько это возможно для такого места.

– Что-то в этом есть, – глядя в сторону, хмыкнул заключенный. – Можно даже считать за правду.

– Вот именно.

Отдуваясь, я поправила съехавшую набок куртку. Нет, может, он все-таки убил свою жену? Случайно, просто потому, что ему не понравилась какая-то ее реплика? Впрочем, вряд ли. Эксплоудер он что, тоже случайно с собой прихватил? Для прогулки по магазинам?

Все еще сердясь на Макнэлла, вытащила из сумки карту, развернула и сунула ему в руки. Отведенное на урок время еще не закончилось, но перспектива добрых четверть часа дуться друг на друга, разойдясь по углам тесного помещения, совершенно не прельщала.

– Здесь сообщение от ваших родителей, – сообщила я и с помощью как раз возвратившегося Раджера покинула камеру.

Уходя, напоследок оглянулась. Капитан сидел на кровати и не отрываясь смотрел на развернутый экран. Уголки его глаз показались мне влажными.

Следующее занятие прошло как обычно. То есть нормально, без всяких происшествий и без особой напряженности в нашем с Макнэллом общении. Потом был еще один спокойный урок. А затем я приняла окончательное решение. Последней каплей стала, казалось бы, мелочь. Во всяком случае, по серьезности это происшествие нельзя было сравнить ни с вылитой в лицо похлебкой, ни с недавними побоями.

Я заметила, что у капитана закончилось питье. Его приносили в высоких кружках из какого-то легкого металла. Если дать такой охраннику по голове, кружка погнется, а вот человек не пострадает. Выйдя из камеры, я повстречала Кортон и сообщила ему, что заключенному нужна вода. В ответ услышала злобное «Пусть пьет из бачка! От жажды не помрет».

На этом мое терпение закончилось. Нет, я ничего не сказала тюремщику. В открытую я вообще никак не отреагировала на его замечание. Однако решение было принято окончательно и бесповоротно, хотя еще пару недель назад мне и в голову бы не пришло поступить подобным образом. И когда я пришла к капитану в следующий раз, захватила с собой не только бутылку воды, но и очередной электронный лист, на сей раз девственно чистый.

Дождавшись, когда Раджер, которому было скучно без дела стоять перед камерой сорок пять минут, ненадолго отлучился, мои пальцы быстро забегали по виртуальной клавиатуре.

«Допустим, ты выбираешься отсюда и с Новой Земли. Попадаешь на один из населенных спутников. Будет ли возможность найти корабль, на котором реально покинуть нашу систему, не заморачиваясь с документами и разрешениями?»

Уже в процессе чтения капитан подозрительно прищурился, но дочитал до конца и лишь после этого поднял на меня вопросительный взгляд. Я кивнула на экран: дескать, сначала ответь, я первым задаю вопрос.

Он перечитал текст, затем какое-то время изучающе сверлил меня глазами и наконец лаконично произнес:

– Предположим.

Не захотел писать – молодец, мало ли чего от меня ждать. Зато я предпочитала именно «эпистолярный» метод. Раз камер здесь нет, то и звук вряд ли записывается, но кто его знает? Береженого бог бережет.

Ответ Макнэлла вполне меня устроил, и, забрав у него экран, я принялась печатать дальше.

«Предлагаю сделку. Я помогаю тебе бежать отсюда и даже предоставлю транспорт для перелета на Митос или Истерну. А дальше ты помогаешь мне перебраться в другую систему. Подойдет любая планета категории 1 или 2. На худой конец сойдет 3».

На этот раз он прочитал текст один раз, но очень внимательно. Некоторое время, сжав губы, смотрел в одну точку на электронном листе, уже не читая, а раздумывая над моим предложением. Потом поднял глаза.

– Годится.

Я кивнула.

«Тогда запоминай...»

... Я с трудом удерживала в руках горку из свернутых экранов с всевозможными картами, схемами и диаграммами. Как раз в тот момент, когда из-за поворота показался Кортон, одна из трубочек все-таки слетела на пол. Чертыхнувшись, я остановилась, поглядела на свою ношу, не позволявшую освободить руку, и обратилась к тюремщику:

– Поможете поднять?

Немногословный охранник кивнул, наклонился, взял экран и, разогнув спину, положил его поверх моего груза.

– Поосторожнее на ступеньках, – бросил он, направляясь по своим делам.

– Спасибо! – крикнула ему вслед.

И действительно продолжила идти очень аккуратно, дабы благополучно доставить по нужному адресу экран с ценными отпечатками пальцев.

Глава 5

Раджер теперь почти не присутствовал во время уроков, поскольку они снова проводились через закрытое стекло, то есть в абсолютной для меня безопасности. Это была моя инициатива. Заявила, что одно дело, когда заключенному требуется медицинская помощь, и совсем другое – когда речь идет о самом что ни на есть стандартном занятии. Дескать, во втором случае причин для риска, пусть даже минимального, я не видела и заходить в камеру нужным не считала. К тому же такой вариант существенно увеличивал количество используемых наглядных пособий. В камеру можно было пронести лишь самый простой гаджет, в то время как с этой стороны стекла допускался прожектор для голографических изображений. Раджера мое предложение более чем устроило: все-таки оно лучше соответствовало местным правилам безопасности и оставляло ему массу свободного времени без риска получить от начальства по шее. Так что в последние дни он только приводил меня к камере и сопровождал наверх по окончании лекции.

– Сегодня.

Убедившись, что поблизости никого нет, я надела на большой палец новую «перчатку», изготовленную на заказ по отпечатку Кортонна. Коснулась открывающей камеру панели. Когда стекло втянулось в стены, передала Макнэллу сверток с одеждой и сложенный в несколько раз предмет. Потом стянула перчатку и тоже вручила ему. Тюремщик с таким уровнем доступа, как у Кортонна, имел возможность открывать камеры своего этажа как снаружи, так и изнутри.

Прибегнув к тому же способу, чтобы возвратить на место стекло, капитан положил передачу под кровать. После этого мы продолжили урок. Внешне – как ни в чем не бывало. По истечении сорока пяти минут вернулся Раджер. Попроцавшись с капитаном как обычно, я ушла вместе с охранником. Воспользовавшись своей привычной перчаткой с отпечатком пальца Сэма Логсона, покинула здание тюрьмы.

Предмет, который я вручила Макнэллу, был одной из секретных разработок моего отца. Своего рода плащ-палатка, изготовленная с использованием метаматериалов, фактически служила надевшему ее человеку броней. Но не от пуль или лезвий, в отличие от моего пояса безопасности. Плащ защищал от взглядов.

Колдовства здесь, конечно же, не было, ставка делалась исключительно на законы оптики и особенности человеческого восприятия. Встретившись с материалом, из которого была сделана «палатка», лучи света преломлялись и огибали ее, в результате чего она становилась по сути невидимой. И тот, кто находился внутри, – вместе с ней. Изменивший направление свет в конечном итоге отражался от совершенно других предметов, и именно их видел человек, смотревший на отцовское изобретение.

Было две сложности. Во-первых, «палатка» отбрасывала тень. Но я надеялась, что никто не обратит на это внимания, да и съемочная аппаратура, настроенная на фигуры и лица людей, не отреагирует на невнятный силуэт на полу. Во-вторых, укрытый с головой человек ничего не видел вокруг себя. Если же голову не прятать или, к примеру, оставить прорези для глаз, вся маскировка пошла бы насмарку. Эта проблема была предусмотрена моим отцом, и он снабдил плащ крохотной камерой, транслировавшей на вшитый с внутренней стороны экран картину пространства, находившегося перед объектом.

Именно с помощью этого предмета – при должной доли везения – капитану предстояло покинуть тюрьму. Но только после планового обхода Кортонна – так, чтобы впоследствии исчезновение заключенного обнаружили как можно позднее. Выйти из здания Макнэллу должна была помочь перчатка, которая, обманув компьютер, выдала бы его за все того же Кортонна. Я надеялась, что это хотя бы ненадолго запутает следствие. Мы выиграем время, а тюремщику, хотя бы поначалу, придется несладко.

Поворот, один квартал, еще поворот, и вот я на нужной улице. Она отличалась от прочих тем, что между самодвижущейся дорожкой и стандартным травяным покровом тянулась лента асфальта, на которой были припаркованы многочисленные флаеры. Однотипные, малогабаритные, отличавшиеся друг от друга цветом да незначительными нюансами дизайна. Дальше, метров через сорок, пойдут более дорогие и вычурные модели, но нам шиковать ни к чему. К тому же лишний раз привлекать к себе внимание в нашем положении просто глупо.

Достав из внутреннего кармана биометрическую кредитную карту, поднесла к специальной круглой панели, имевшейся только у наемных флаеров. Оплату производила со счета Саманты Логсон – еще один способ сбить с толку тех, кто станет нас искать. Любая задержка преследователей, пусть даже кратковременная, нам только на пользу. Одобрительный щелчок оповестил, что кредитка принята, и я приложила к тому же сканеру большой палец, предварительно сняв перчатку. Отпечаток совпал с показателями карты, и дверцы флаера разблокировались.

Приближающееся шуршание на пустой, казалось бы, улице привлекло мое внимание.

– Как плащ? – спросила я, распахивая водительскую дверь.

– Шума порядочно, – отозвался капитан.

– Не стоит привередничать.

Будет он еще критиковать отцовские изобретения! Да если бы с разработкой помогало континентальное правительство, давным-давно все недочеты исправили бы. Так уж сложилось, что последние годы отец работал самостоятельно. Но Макнэлла это ни с какой стороны не касается.

– Как все прошло?

– Нормально, – последовал ответ.

Стало быть, реальных проблем шуршание палатки не создало. Видимо, капитан был достаточно ловок и осторожен. Ожидаемо, учитывая его профессию.

– Тогда снимай плащ и садись. Лучше вперед.

Не дожидаясь его реакции, заняла место пилота. Чуть помедлив, Макнэлл поступил, как я сказала. Правда, усевшись и пристегнув ремень, покосился на меня весьма скептически.

Да, возможно, имело смысл и во флаере лететь невидимкой. Но я предпочла, чтобы плащ оказался на заднем сиденье, и на то было две причины. Во-первых, забраться в кресло, не снимая «палатки», – задача нетривиальная. Все-таки отцовская разработка – не совсем плащ, места занимает порядочно, и ее гибкость имеет свои пределы. А во-вторых, мне просто не хотелось, чтобы рядом сидел беглый заключенный, осужденный за убийство, от которого можно в принципе ожидать чего угодно и которого я даже не могу увидеть. Так я хотя бы выражение его лица сумею засечь, резкое движение вовремя заметить. По той же причине я не посадила его назад.

Судя по многозначительному взгляду и легкой ухмылке, мои мотивы капитану были ясны. Впрочем, мне-то какое дело? Я и без того рискую дальше некуда. Не стоит начисто отвергать бдительность по той лишь причине, что Макнэлл может что-то не то обо мне подумать.

– Космопорт Лагардия, – объявила я навигатору и нажала кнопку взлета, предоставив дальнейшее автопилоту.

И перебросила капитану длинный легкий шарф, какие были в моде на планете Эль Кроз. Такими шарфами зачастую заматывали лицо по самый нос. Появление инопланетянина в космопорту никого не удивит, так что маскировка, пусть и минимальная, сыграет свою роль.

По пути я жалела об одном – от наемных флаеров невозможно добиться превышения разрешенной скорости.

Тем не менее до места мы добрались достаточно быстро, минут за сорок. Не без труда нашли стоянку на одном из парковочных плато, однако в огромное куполообразное здание, где проходила регистрация на рейсы, не направились. Вместо этого зашагали к ангарам, в кото-

рых располагался частный транспорт. Именно там дожидалось своего часа главное отцовское наследство, мой летательный аппарат. Не флаер, а космический катер, предназначенный для полетов на малые расстояния. Топлива в баке хватало, чтобы добраться до любого из спутников Новой Земли. Но не дальше.

Управлять катером я не умела. Вернее, была в состоянии вывести его из ангара, но навыками космических полетов не владела. С этой задачей, как я надеялась, без труда справится Макнэлл.

Разумеется, я платила за то, чтобы летательный аппарат время от времени «выгуливали», иначе он недолго продержался бы в рабочем состоянии. Раз в пару месяцев на нем совершали короткий профилактический полет. А вчера я договорилась о техосмотре и максимальной заправке.

– Привет, Джо! – Я помахала рукой знакомому парню в форменном комбинезоне технической службы космопорта.

– О, привет, Сэм! – Тот отряхнул руки и направился мне навстречу. – Все готово. Машина в отличном состоянии, бак наполнили по самые не балуйся.

Потребовалась лишняя секунда, чтобы сориентироваться: «машиной» на жаргоне механиков обычно называли летательные аппараты. Для меня же слово ассоциировалось исключительно с такими приспособлениями, как посудомойка или кофеварка.

– Решил слетать на отдых? – полюбопытствовал Джо.

Кивок сочла наилучшим вариантом.

– Правильно, – одобрил словоохотливый механик. – Говорят, на Митосе сейчас хороший кинотеатр открыли, 18D. А на Истерне бассейны какие-то заковыристые, с водой из тамошних источников. Вот бы разок посмотреть.

– Наверняка согласишься, – заверила я.

Слетать на спутник – удовольствие не из дешевых, но для работающего человека раз в несколько лет доступно. Говоря откровенно, лыжный курорт на Северном континенте не намного дешевле.

Воспользовавшись пультом дистанционного управления, Джо открыл нужный ангар, и мы с хранившим молчание капитаном без лишних проволочек прошли внутрь.

– DR 388? – не то спросил, не то констатировал Макнэлл, когда мы остались одни.

– Он самый, – подтвердила, поднимаясь по паре встроенных ступенек, чтобы заглянуть в багажный отсек.

Как и предполагала, там было пусто, если не считать стандартного набора инструментов и обычной спортивной сумки, которую я наспех сложила с вечера и заранее завезла сюда.

– Возьмешься? – на всякий случай уточнила, имея в виду управление.

Все-таки модель старая, хоть и надежная.

– Конечно.

Вот и отлично.

Макнэлл распахнул дверь со стороны пилота, легко вскочил на подножку и забрался внутрь. Я села с другой стороны, предварительно закинув в багажный отсек прихваченную из флаера палатку-невидимку. Заодно извлекла из бардачка припрятанный ранее компактный бластер «Джилл-32» и пристроила на пояс. С собой в тюрьму его было не взять, не пропустили бы. Точнее, заставили бы сдать оружие охране и вернули бы на выходе. Все ничего, но стоило ли привлекать к себе лишнее внимание? Ведь обычно Сэм Логсон ходил безоружным. Хотя бластер хранился у меня давно, и стрелять из него я умела. Да покажите мне того, кто бы не умел! Кто из нас, мальчишек четырнадцати-шестнадцати лет, не торчал часами в голографических тирах?

Не теряя времени, мы выехали из ангара. Дверь за нами автоматически закрылась, будто предупреждая: обратного пути нет. Было очень тревожно. Я не знала, обнаружили ли в тюрьме

отсутствие заключенного, и если да, то когда именно. Минуту назад? Или, в силу какой-нибудь нелепой случайности, сразу же после того, как он вышел за ворота? И догадались ли они уже, кто помог Макнэллу с побегом? Я надеялась, что поначалу подозрение падет на Кортон. Как-никак капитан бежал, воспользовавшись отпечатком пальца тюремщика. Перчатки вроде моей были большой редкостью, так что в первые минуты местное начальство должно было решить, будто Кортон лично открыл капитану дверь. Угрызений совести из-за такой подставы я не испытывала, лгать не буду. Во-первых, обстоятельства побега все равно прояснятся – в конце-то концов, именно Сэм Логсон, а не Кортон исчезнет с планеты и больше на службе не появится. А во-вторых, после всего, что мне довелось увидеть и узнать, конкретно этого тюремщика, ей-богу, было не жаль. Вот перед Раджером я бы чувствовала себя виноватой – так и не случайно для своих целей выбрала не его.

Такое непривычное ощущение – не лететь по воздуху, а ехать, трясясь, по земле. Но капитан управлял катером уверенно. Мы добрались до нужной полосы и встали в очередь, состоящую главным образом из такого же частного транспорта. Я сжала зубы, напряженно вглядываясь в вереницу катеров, ожидающих разрешения на взлет и номера предоставляемого им воздушного коридора. Стоит упомянуть, что окон в DR 388 предусмотрено не было. Их заменяли четыре экрана, на которые с камер в онлайн-режиме транслировалось изображение происходящего снаружи – впереди, сзади, справа и слева.

– DR 388, номер 387-999-582, – объявил по каналу связи космопорта голос автодиспетчера. – Пожалуйста, выведите на дисплей ваши личные документы и документы на космический катер.

Это была стандартная процедура, так что я испытала чувство облегчения. Мы медленно, но верно продвигались к цели. Нажатием нескольких кнопок предоставила компьютеру космопорта дистанционно проверить электронную документацию, каковая была в полном порядке.

И снова сомкнула челюсти, а заодно сжала кулаки, увидев, как в один из катеров впереди взобрался, дождавшись открытия двери, местный проверяющий. Человек.

Такие проверки проводились регулярно, а транспорт, который им подвергался, выбирался случайным образом. В итоге никто из вылетающих не мог знать, заглянет к нему пограничник или нет, но всем приходилось к этому готовиться. И следить за соблюдением правил. В чем, собственно, и заключалась цель службы безопасности космопорта. Вот только нам сейчас такая проверка была совершенно ни к чему. Это мягко говоря.

Я покосилась на Макнэлла. Он смотрел в одну точку на экране, демонстрирующем, что происходит впереди, и тоже нервничал. Скулы обострились, взгляд стал жестким, руки застыли в непосредственной близости от панели управления.

Только бы пронесло, только бы пронесло...

– DR 388, номер 387-999-582, – повторно вызвал нас диспетчер. – Приготовьтесь к таможенному досмотру. Это стандартная процедура, среднестатистическая продолжительность – пять минут. Предполагаемое время ожидания – три с половиной минуты. Пожалуйста, приготовьте все документы и предъявите их служащему космопорта.

Не пронесло.

Выругавшись сквозь зубы, повернулась к Макнэллу.

– Перебирайся в багажный отсек и надень плащ. Скорее всего, они захотят туда заглянуть.

Он секунду помешкал – кажется, хотел что-то спросить, но затем, согласно кивнув, отстегнул ремень. Встав, слегка пригнул голову: потолок катера был низковатым. Капитан обошел кресло пилота, добрался до задней двери и, безошибочно отыскав нужную кнопку, заставил дверцы багажного отсека разъехаться в стороны. Я только успела увидеть, как он наклоняется к палатке, и дверная панель снова закрылась.

Тоже отстегнувшись, я перекочевала с пассажирского сиденья на место пилота и раскрыла свою сумку. К визиту следовало подготовиться.

Среди вороха вещей баночка с мазью нашлась не сразу. С третьей попытки я все-таки откопала ее на дне сумки, отвинтила крышку и стала быстрыми движениями наносить коричневую массу на лицо. Выждать положенное время не рискнула, будем надеяться, что сойдет и так. Теперь флакон и кусочек ватки.

Когда маска была благополучно спрятана, наступило время второй стадии преобразования. Эх, не умею я как следует накладывать косметику, практики-то нет. Утешало одно: время было в таком дефиците, что даже профессионал на моем месте мало бы что успел. Так что я ограничилась парой штрихов, доступных дилетанту, быстро мазанув по губам помадой и пробежалась кисточкой с румянами по щекам. И напоследок взъерошила короткие волосы, обычно приглаженные.

Вежливый стук в дверцу катера прервал приготовления. На боковом экране возникло изображение светловолосого мужчины в синей форме.

– За...

Я собиралась предложить ему войти, но оборвала себя на полуслове. От осознания ошибки, которую чуть не совершила, прошиб холодный пот. Я спешно сжала заклепку на высоком воротнике – якобы модный аксессуар, в действительности же миниатюрный аппарат, искажающий голос, а в моем случае – преобразовывающий его в мужской. Облегченно выдохнула. Теперь можно было впускать поступавшегося... надеюсь. Если, конечно, я не забыла что-нибудь еще.

Несмотря на исправленную оплошность, приглашать контролера вслух уже не хотелось, и я воспользовалась панелью управления, чтобы просто открыть дверь со стороны пассажирского кресла.

– Добрый день! Анри Фернандес, инспектор службы безопасности космопорта, – представился вошедший.

– Здравствуйте.

Я постаралась изобразить приветливую улыбку. Инспектор оказался молодым еще мужчиной, лет сорока, ростом пониже Макнэлла. В отличие от капитана он мог стоять внутри катера, не пригибаясь. «Удобно для его профессии», – отвлеченно подумалось мне.

– Чем могу быть полезна?

Я кокетливо заправила короткую прядку за ушко – подсмотрела этот прием в каком-то фильме.

Видимо, сработало, потому что выражение лица инспектора сразу как-то потеплело.

– Могу я посмотреть ваши документы?

– Конечно.

Я протянула ему пластиковое удостоверение на имя Саманты Логсон.

Фернандес взглянул на фотографию, поднял на меня глаза и остался доволен сходством. Затем поднес к карточке свой карманный компьютер, просканировал отпечаток пальца и спустя пару секунд кивнул, получив по сети подтверждение.

– Теперь, пожалуйста, приложите большой палец правой руки вот сюда. – Он указал мне на центр своего экрана, где высветилось зеленоватое изображение отпечатка пальца.

Я сделала, как велел проверяющий. Отпечаток Саманты Логсон в континентальной базе данных имелся – равно как и отпечаток ее однофамильца Сэма.

И снова инспектор удовлетворенно кивнул: идентификация прошла успешно.

– А теперь, будьте так любезны, поднесите блокнот к лицу и посмотрите вот сюда, – сказал он, протягивая мне устройство.

На сей раз на дисплее красовалось изображение глаза.

Я слотнула. Руки не поднимались, словно в каждой из них самовольно расположилась невидимая гирия.

– Вы не волнуйтесь, – продолжал говорить инспектор, который, надеюсь, не имел ни малейшего представления о подлинных причинах моего беспокойства. – Это биометрическая технология, совершенно безопасная для здоровья. Мы просто сканируем радужную оболочку глаза. Если такое сканирование уже проделывалось прежде, ваши данные фигурируют в нашей базе, и мы сможем сверить их точно так же, как в случае с отпечатками пальцев. Если же вы проходите процедуру впервые, мы введем информацию в главный компьютер космопорта, а уже потом оттуда ее передадут в континентальную базу данных. И вам не придется проходить процедуру по второму разу. Вы только выиграете. Все равно рано или поздно переходить на идентификацию по радужке придется. Это намного надежнее, чем отпечатки пальцев.

Надежнее, тут он был прав. И именно в этом заключалась моя главная сложность. Причина, по которой, как мне в тот момент показалось, весь наш план летел в тартарары. Я так надеялась, что нам не придется проходить стандартную проверку. Надеялась, но была к ней готова. А вот на использование при досмотре нового, экспериментального метода идентификации мне ответить было нечего. Поскольку вводить эту систему опознавания стали недавно, в континентальной базе данных хранился исключительно скан радужки Сэма Логсона. Того, кто жил полноценной жизнью, выходил в люди, посещал всевозможные конторы, учился в университете и помимо всего прочего проходил службу в тюрьме, в системе безопасности которой сканирование радужки играло немалую роль на сегодняшний день. Зато Саманта Логсон, все документы которой были подготовлены пару лет назад, свою радужку нигде не «сдавала». И даже надумай она так поступить, ничего хорошего из этого не вышло бы – в отличие от отпечатков пальцев подделывать оболочку глаза никто пока не умел. Поэтому показатели Саманты оказались бы полностью идентичны показателям Сэма. Как ни крути, а ситуация патовая.

Инспектор ждал. Помедлю еще немного – и он заподозрит неладное. Пришлось преодолеть себя и все-таки принять нежеланный компьютер. На какой-то миг соблазн «случайно» его уронить стал настолько силен, что я почти потеряла способность сопротивляться. А что, быть может, это действительно выход? Аппарат у них тут, конечно, не один, но всю процедуру придется начинать сначала, с выяснением обстоятельств. Меня уведут в здание космопорта. О существовании Макнэлла они не догадываются, так что у него появится шанс сбежать, воспользовавшись плащом-невидимкой. А я буду утверждать, что у них в системе какой-то баг, отменю вылет и пообещаю отправиться к нотариусу и там заново отсканировать как отпечатки, так и радужную оболочку, сразу же заверив все данные у профессионалов. Формально никакого преступления я не совершила, должны отпустить. Хотя... подведет меня именно разбитый комп. Вряд ли кто-нибудь всерьез поверит, что я уронила его случайно. Это прозвучит крайне неубедительно.

В последний момент я все-таки взяла себя в руки. Нечего сдаваться прежде времени. Будем играть до последнего. И я поднесла мини-компьютер к лицу. Раздался тихий щелчок: камера зафиксировала данные и сразу же отправила их в обработку. Я возвратила гаджет инспектору, с улыбкой ожидая ответа.

Фернандес посмотрел в экран... Нахмурился, набрал что-то на виртуальной клавиатуре – возможно, отправил повторный запрос.

– Вы знаете человека по имени Сэм Логсон? – спросил он, поднимая на меня глаза.

Я постаралась изобразить недоумение, развела руками и, хлопая ресницами, высказала предположение:

– Тезка?

Инспектор кивнул, снова уставился в электронный блокнот. Я немного передвинулась в его сторону и встала на цыпочки, чтобы хоть что-то разглядеть на экране. Моя фотография. Точнее, фото Сэма.

Немного подумав, Фернандес пробежал пальцами по нижней части дисплея и приложил гаджет к уху.

– Алло, Дэн! Привет! Тут опять ерунда какая-то с радужкой происходит!

Из динамика компа послышались какие-то пшикающие звуки, наводящие на мысль о ругани. Слов я разобрать не могла.

– Ну да, и я о том же! – согласился с пшиканьем инспектор. – Значит так, смотри, перекидываю тебе данные. Ситуация такая: тут очень милая девушка, – он подбадривающе мне улыбнулся, – путешествует одна, все документы в порядке. Фото, информация, пальцы – все сходится. А анализ радужки выдает другого человека. Да нет, точно не она, там вообще мужчина, прикинь! Я же говорю – бред. По пальцам женщина, по глазу – мужчина. Что? Совпадение по отпечаткам? 99.8. Ну да, я тоже так думаю. В системе из-за похожего имени вышла путаница. Согласен. Работаем по фото и пальцам. Потом пишем рапорт по всем ошибкам оптом. Угу. Ну, пока, до следующего случая!

– Что-то не так? – Я взволнованно подняла брови.

– Да нет, волноваться не о чем, – покачал головой Фернандес. – Эта система с радужкой – новая, только начинает вводиться. Поэтому багов пока порядочно. А то, что вы не мужчина, видно невооруженным глазом.

– Да уж, это точно, – нервно рассмеялась я.

– Так что все в порядке, – закруглился инспектор. – Прошу прощения за потраченное время, такая работа. Диспетчер сообщит вам номер коридора для вылета. Желаю хорошего путешествия.

– Благодарю вас. До свидания!

Когда дверь за проверяющим захлопнулась, я обессиленно прикрыла глаза. Похоже, самое опасное позади. Да здравствует человеческий фактор!

Но сильно расслабляться не следовало. Вновь схватившись за сумку, я принялась за восстановление мужского облика. Хорошо, что Макнэлл не слышал нашего разговора с инспектором. Багажный отсек закрывается герметично. Дополнительная защита на случай аварии: даже если отсек будет поврежден, у пилота останется шанс довести корабль до ближайшей планеты. Но главное в нашем случае – то, что перегородка звуконепроницаема.

Когда маска была на месте, а волосы – приглажены, я перебралась в пассажирское кресло и открыла дверь багажника.

– Можешь выходить!

Сначала я ничего не увидела, затем Макнэлл частично появился из-под плаща.

– Все в порядке? – уточнил он.

– Да. Проверка документов прошла благополучно.

– Что-то долго. Были проблемы?

Капитан устроился в кресле пилота и пристегнулся.

– Ничего заслуживающего внимания, – туманно отозвалась я.

Он бросил на меня прищуренный взгляд, явно заметив специфику формулировки, но настаивать на подробностях не стал. Сама я, понятное дело, давать объяснения тоже не стремилась.

– DR 388, номер 387-999-582, – снова раздался голос диспетчера.

На миг я замерла, не позволяя себе даже дышать. Что нам сейчас скажут? Отпустят с миром или велют съехать с трассы, а затем проследовать за работниками службы охраны космопорта?

– Ваш коридор – номер 12. Желаем приятного полета.

Шумно выдохнув, покосилась на Макнэлла. Тот, кажется, тоже пережил несколько не самых приятных секунд, но теперь активно готовился к взлету. Пальцы уверенно перескакивали с одного тумблера на панели управления на другой.

Катер снова пришел в движение, мы немного проехали по земле, а затем поднялись в воздух.

– Ну, вперед! – одними губами проговорил капитан, сконцентрировав внимание на экранах.

А я впервые увидела в выражении его зрелого, утомленного лица что-то мальчишеское.

Глава 6

Экраны поглотила чернота космоса, пронзенная мириадами звездных светлячков. Ничто бы не свидетельствовало о том, что мы движемся, если бы не Новая Земля и ее спутники, три из которых попадали сейчас в зону обзора. Один из них, равно как и сама планета, заметно уменьшился в размерах, в то время как два других, напротив, успели увеличиться. Митос и Истерна. Две обитаемых луны, на первую из которых мы держали курс. Освободившись от ремней, я встала с кресла, разминая плечи.

– Во время полета на катере не рекомендуется отстегиваться без крайней необходимости, – заметил Макнэлл, поднимая голову.

– Есть необходимость, – отозвалась я, направляясь в крохотный туалет.

Не так чтобы это действительно было срочно, но сразу садиться обратно в кресло я все равно не собиралась. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь мной командовал. К тому же хотелось курить, а пройдясь по отсеку, я хоть немного отвлеклась, даром что здесь было очень тесно.

Вернувшись, я все-таки заняла пассажирское место, все равно больше делать нечего. Поглядела на экраны. Никаких изменений, что совершенно ожидаемо. Хотя... То ли мне кажется, то ли Митос сместился на картинке немного влево. Вроде бы все это время он оставался прямо по курсу. Хотя мало ли какое скопление астероидов могло заставить катер скорректировать маршрут. Я неспешно повернула голову к креслу пилота... и замерла, чувствуя, как деревенеет все внутри.

Прямо мне в лицо крошечным глазком смотрело дуло бластера. Гадать, откуда у капитана за такой короткий срок могло взяться оружие, было глупо – ответ давала неожиданная легкость, ощущаемая в районе правого бедра. Опустив глаза, удостоверилась в очевидном: моего собственного лазерного пистолета на месте не было.

Я вновь подняла глаза, стараясь играть в гляделки не с дулом оружия, а с мужчиной, его державшим. Взгляд капитана был решительным и твердым как скала. Взгляд человека, имеющего план и твердо уверенного в том, что он делает.

Тут я впервые в полной мере осознала, насколько прав был его отец, заявив, что Макнэлл-младший способен на убийство. И сейчас я читала эту способность в его глазах. Самым неприятным было то, что объект для убийства на катере имелся только один – я.

Невесело усмехнулась. Смешно мне, конечно, не было, но трудно сохранять непроницаемый вид и молчание в ожидании, что в любую секунду тебя пронзит насквозь лазерный луч.

– А знаешь, я с самого начала этого опасался, – призналась я, сама толком не понимая, почему продолжаю говорить о себе в мужском роде. Казалось бы, упрямо сохранять свою гендерную тайну было уже бессмысленно. – Что как только стану не нужен, ты от меня избавишься.

– Что ж ты пошел на это, если с самого начала знал, чего ожидать от уголовника? – удивился он.

В словах Макнэлла прозвучал вызов, в глазах мимолетно отразились не до конца понятные мне эмоции. Что-то в нашем обмене репликами ему не нравилось, но вот что именно, я бы определить не смогла.

– Понадеялся, что люди бывают разные.

Капитана такая версия не устроила.

– А мне кажется, у тебя были на то другие причины, – возразил он.

Дуло бластера чуть опустилось и было теперь направлено не в лицо, а в район груди. В таких условиях начинаешь ощущать себя невероятно уязвимым. Уверенность в завтрашнем дне, вера в себя и собственную способность решать проблемы – все это осыпается наземь неле-

пой шелухой в момент, когда чужая рука готова спустить курок простейшего, казалось бы, металлического предмета.

– Теперь признавайся, – четко проговорил капитан, буравя меня не ненавидящим, но строгим и внимательным взглядом, – с какой целью ты организовал этот побег.

– Я думал, цель предельно ясна. – Старалась говорить спокойным, даже отстраненным тоном, но тоже достаточно жестко. – У нас была сделка. Я доставляю тебя на катер – и, заметь, моя часть плана выполнена до последнего пункта. Твоя задача – довести катер до спутника и затем помочь мне переправиться за пределы нашей звездной системы. Мы обо всем заранее договорились. Что же теперь не так? Не хочешь оставлять ненужного свидетеля?

– Хочу немного пересмотреть факты, – не согласился с моей интерпретацией Макнэлл. – На кого ты работаешь, Сэм? – спросил он, хмурясь и ни на секунду не отводя от меня глаз. – На службу безопасности тюрем? Или стоит брать выше? Полицейское управление по особым расследованиям? Континентальное министерство безопасности?

– А почему только континентальное? – саркастически пробурчала я. – Почему не межпланетное?

– Это принципиально. – Шутку он не воспринял вовсе. – Так на кого ты работаешь?

Я закатила глаза. Ответ был только один, но явно не тот, что искал допрашивающий.

– ПС, Планетарная служба, – расшифровала, хотя устойчивое сочетание согласных в этом не нуждалось. – Даю уроки астрономии заключенным. Больше никому не служу и ни на кого не работаю.

Не могу сказать, чтобы его взгляд был прямо-таки полон недоверия. Логичнее предположить, что Макнэлл и сам не знал точного ответа, а потому твердо намеревался докопаться до истины.

– Сделаем так, – предложил он. – Я изложу тебе свое видение ситуации. А ты потом скажешь, в чем я был неточен или неправ. Идет?

– Идет, – согласилась я.

В целом то направление, которое принимал разговор, мне нравилось больше. Вот только вид направленного на меня бластера продолжал основательно нервировать.

– Тебя с самого начала подослали, чтобы за мной следить. – Он даже говорил, как будто стрелял, – выверенно, не прерывая визуального контакта, стараясь попасть в цель каждым словом. – Лекции были прикрытием, причем не слишком убедительным: при моей квалификации обучать меня астрономии, мягко говоря, смешно.

– Ты сразу же проверил меня на профпригодность, – напомнила я.

– Допустим. Но было бы глупо совсем к такому не подготовиться, – парировал капитан.

– Целебную бумагу я тоже принес по рекомендации службы тюрем? – осведомилась едко.

– Игра в доброго и злого полицейского стара как мир, – отклонил аргумент Макнэлл. –

К тому же уже тогда ты попытался подбить меня на признание, поинтересовавшись, действительно ли я убил Линду.

– Я поинтересовался, действительно ли ты ее не убивал.

– С семантической точки зрения это одно и то же. Однако добиться признания так и не удалось, и ты перешел к следующему рычагу давления – моим родителям.

– Я...

Он не дал мне договорить, и хорошо: я все равно не видела смысла повторять то, что уже было сказано и в любом случае не будет принято Макнэллом на веру.

– Поняв, что стандартными мерами ничего не добиться, вы решили устроить мой побег.

– Зачем?!

– Доказать, что я не законопослушен. На Митосе нас наверняка поджидает отряд захвата. А после попытки побега практически на глазах у всего честного народа моя репутация будет окончательно испорчена. В глазах многих сбежал – значит, виновен. В справедливости реше-

ния суда никто уже не усомнится. И мое нежелание сознаться в преступлении перестанет иметь значение. Вот только одна беда... – Его глаза сощурились сильнее, отчего от век заструились морщинки. – Я изменил курс.

– Только не говори, что мы возвращаемся в тюрьму с повинной! – простонала я.

– Нет. – Капитан посмотрел на меня с интересом: такая реакция явно отличалась от его ожиданий. – Я не для того поддался на провокацию, чтобы добровольно вернуться в замкнутый круг. Мы летим на Истерну.

Я пожала плечами. Местоимение «мы» внушало некоторый оптимизм; вот если бы Макнэлл сказал «я», было бы впору впасть в панику. Что же касается выбора спутника, я с самого начала удивилась, когда он выбрал Митос. Ведь именно рядом с Истерной его родители изобразили парусник. По моим предположениям, в действительности этот рисунок обозначал космический корабль, то есть у капитана имелся какой-то способ улететь, и не откуда-нибудь, а с Истерны.

– Как мне следует истолковать твое спокойствие? – как ни странно, тоже довольно-таки спокойно поинтересовался Макнэлл. По-моему, он даже бластер держал уже не так крепко. – Наряд полиции поджидает нас и на втором спутнике?

– Может, и поджидает! – раздраженно возведя глаза к низкому потолку, огрызнулась я. – Откуда мне знать, как скоро тебя хватились и что успели предпринять? Отследили ли наш путь до космопорта? Поняли ли, на каком транспорте мы улетели? Ставка была на неожиданность и скорость.

Очень хотелось обвинить капитана в том, что он тратит драгоценное время на всякую ерунду, но... Будем откровенны: пока мы не доберемся до места, разговоры никак не изменят скорость нашего передвижения.

– В любом случае, если нас на Истерне поджидают, то посадят не тебя одного, – мрачно завершила я.

– Зачем же ты пошел на такой риск? – полюбопытствовал капитан, склонив голову набок и искоса на меня посмотрев. – Почему помог мне бежать с планеты?

– Доброе утро! – саркастично произнесла, закатив глаза. – Не ты ли только что так подробно объяснял, зачем мне это понадобилось?

– Допустим, я кое-где перегнул палку.

Макнэлл предложил этот вариант, не принося извинений и не испытывая ни малейшего чувства неловкости. Вот ведь зараза!

– Уж точно не ради того, чтобы поучаствовать во вселенском заговоре против твоей персоны, – ответила искренне.

Не знаю, почему, но вполне естественная мера предосторожности со стороны капитана здорово меня задела. А вот Макнэлла мой ответ мало расстроил.

– Тогда зачем?

Настойчивости ему было не занимать.

– Затем, что я ненавижу Новую Землю, – осклабилась я, раскрываясь сильнее, чем планировала изначально. – Ненавижу и эту планету, и Южный континент, и объединенное правительство. Я хотел убраться оттуда как можно дальше и прах земли стряхнуть со своих ног. Я был готов лететь куда угодно, лишь бы прочь от этой звездной системы. Пусть к людям, пусть к нелюдям, я без предрассудков, лишь бы у них была хотя бы небольшая человеческая диаспора. Я согласен начать новую жизнь где угодно, и именно в этом заключалась моя часть условий: ты доставляешь меня на подходящую планету. Все. Ничего больше мне не было нужно.

Только сейчас я заметила, что за время моей тирады Макнэлл опустил бластер, теперь даже не пытаясь мне угрожать.

– Мутный ты, – он неодобрительно покачал головой, – что-то с тобой, парень, не так, понять бы только что.

«То, что я не парень».

– Сам-то, можно подумать, не мутный, – перевела я стрелки, тоже, кстати сказать, совершенно искренне.

– Будешь смеяться, но долгое время люди из моего окружения были твердо убеждены, что я чист и прозрачен как стеклышко.

– На стеклышко легко накапать какой-нибудь краски, после чего оно резко перестает быть прозрачным.

– Похоже, именно так кто-то и поступил, – признал он, но больше обсуждать свою персону не стал, вместо этого вновь возвратился к моей. – Хоть в общих чертах сказать можешь? Чем тебе не угодил Новая Земля?

Я колебалась. По-хорошему, не его это дело, однако бластер в правой руке – неплохой аргумент. К тому же сама-то я тоже успела покопаться в биографии Макнэлла и вряд ли к его радости.

– Они убили мою мать.

Капитан удивился, это абсолютно точно. Но, видимо, у меня на лице было написано: подробности не вытянешь даже клещами. Во всяком случае, расспрашивать дальше он не стал.

– Если бы мою мать тронули, я бы тоже послал планету к чертям, – неожиданно признался он. – Скорее всего, предварительно оставив за собой несколько трупов.

«А если бы тронули жену?» – чуть не сорвалось с моих губ.

Заодно вспомнились и слова Макнэлла-старшего: «За свою жену или сына запросто проломлю череп любому».

Меж тем младший разрядил бластер, вытащив из него батарею, и положил бесполезный в таком виде пистолет в бардачок.

Радоваться не спешила, даже наоборот, основательно напряглась, ожидая подвоха.

– И что теперь? – осторожно осведомилась, покосившись на дверцу ящика, за которой скрылось мое оружие.

– Доберемся до Истерны, пересядем на другой корабль, и я высажу тебя на ближайшей обитаемой планете. Как договаривались.

– Ты же считаешь, что я из полиции?

– Передумал.

– Бр-р-р. – Я схватилась руками за виски. – Что я такого сказал, чтобы ты изменил мнение?

По-хорошему, этого спрашивать не следовало: изменил – и ладно. Но слова сами сорвались с губ, прежде чем я успела задуматься об их нецелесообразности.

Макнэлл усмехнулся.

– Скажем так: я доверяю своей интуиции. Кроме того... Если нас поджидают на Истерне, мне все равно некуда деваться, верно? На этой игрушке, – он бегло оглядел внутреннее убранство катера, – далеко не улетишь.

И капитан подмигнул мне, опять по-мальчишески весело, из чего я сделала вывод, что он настроен на более благоприятное развитие событий. Или умышленно себя настраивает. И это, пожалуй, правильно. Что еще остается при сложившихся обстоятельствах? Только держать курс на спутник, периодически проверять работу автопилота и надеяться, что по прибытии нас ожидает нечто лучшее, чем десяток полицейских бластеров.

Я пристегнулась и некоторое время просто смотрела на экраны, где звезды блекли, а затем и вовсе исчезали по мере приближения к крупным небесным светилам. Эти космические тела в действительности уступали в размерах любой звезде, но в нашем секторе именно они правили бал. Истерна, Митос и Новая Земля, по сути небольшая планета с двумя материками и чужеродным ей населением, которое слишком плохо умеет ценить то, что имеет. А то, что не

ценишь, рано или поздно теряешь. И потом становится уже неважно, осознал ты собственную ошибку или нет.

– Я как-то видел документальный фильм про интуицию.

Даже не знаю, зачем я это сказала, уцепившись за слово, произнесенное несколько минут назад. Разрядить обстановку? Поддержать капитана? Помочь себе самой, дав спутнику понять, что он принял правильное решение?

– Так что там про интуицию? – полюбопытствовал Макнэлл, просматривая бегущие по дисплею строки.

Приподнялась в кресле, чтобы лучше разглядеть текст. Напрасно. В этом сплетении знаков из всех мыслимых и немыслимых языков только профессиональный пилот и разберется. Так что я снова уселась поудобнее.

– Там говорили о том, что она ничем не отличается от логического вывода. Только мы списываем на интуицию те выводы, которые делаем подсознательно. Приводили пример: не нравится мне, допустим, человек. Не доверяю. Интуитивно. На самом деле мое отношение объяснимо и основывается на чертах лица, мимике, жестах. Эволюция научила нас интерпретировать подобные вещи, но мы делаем это автоматически и сами не можем отследить собственную логику. – Макнэлл слушал внимательно, поэтому я продолжила. – Или другой пример – память. Мы забываем малозначимые или, наоборот, слишком значимые события, но из этого не следует, что они по-настоящему стираются из нашего мозга. Где-то там они все равно «записаны» и, когда это актуально, дают о себе знать. Такие звоночки памяти мы тоже принимаем за интуицию. Проводили эксперимент – что-то вроде игры «Миллионер». Задавали вопросы, игроки отвечали и уточняли, на чем основывается ответ – знаниях, интуиции, простом угадывании... Выяснилось, что в девяносто процентах «интуитивных» ответов были задействованы те же участки мозга, что при совершенно осмысленном, логическом решении. Ответы были построены на том, что отложилось в памяти, но люди сами этого не осознавали.

– Выходит, интуиции и не существует вовсе? – задумчиво заключил капитан.

Я легонько повела плечом.

– Не знаю. Остаются ведь еще десять процентов. Может, они и есть настоящая интуиция. А может, и нет. Может быть, наоборот, это всего лишь страх неизвестности, который люди пытаются хоть как-то обосновать.

На панели управления вспыхнул зеленый символ громкоговорителя: катер вошел в зону связи с Истерной. Лицо Макнэлла сразу же растеряло все признаки мальчишества, приняло выражение абсолютной сосредоточенности и словно окаменело. Переключив пару рычажков, он заговорил, но уже не со мной.

– Истерна, как слышите? Катер DR 388, номер 387-999-582, просит разрешения на посадку.

Когда он успел выучить номер? Конечно, он осматривал транспорт перед вылетом, но такие свойства памяти все равно не могли меня не впечатлить.

– Говорит Истерна-5, – откликнулся немного искаженный голос диспетчера. – Оставайтесь на связи. Запрашиваю разрешение.

Секунд двадцать мы напряженно ждали, вслушиваясь в каждый шорох, доносившийся из динамика.

Я вглядывалась в переплетение синих, коричневых и зеленых пятен на небесном теле, которое теперь казалось огромным, и будто ждала, что картина даст мне ответ на незаданный вопрос. Например, словно в компьютерной игре, на фоне спутника появится изображение вооруженного полицейского. Но луна молчала, ей не было никакого дела до мелких передрыг крошечных существ, надумавших поселиться на ее поверхности полторы сотни лет тому назад.

– DR 388, – вновь бодро заговорил диспетчер, – разрешение получено. Ваш сектор номер три. Следуйте знакам при парковке. Легкой посадки и добро пожаловать на Истерну!

– Спасибо, – пробормотал капитан, одновременно отключаясь. – Ну что ж, удачной нам посадки, – сквозь зубы, словно бросая кому-то вызов, процедил он.

Мы вошли в атмосферу спутника и начали снижаться.

Если прежде при взгляде на экран казалось, что мы не движемся вовсе, теперь постоянно меняющаяся картинка создавала ощущение стремительности. Умом я понимала, что на самом деле все наоборот, что наша скорость за последние несколько минут упала, но все равно пришлось прикрыть глаза – так трудно было смотреть на уходящую вверх облачную вату и быстро приближающийся космопорт. Однако диспетчер не сглазил: посадка была мягкой, а парковка обошлась без осложнений и пробок.

Мы без труда нашли место на участке, предназначенном для малого частного транспорта вроде моего, после чего я на всякий случай заказала максимальную заправку. Соблюдавший осторожность Макнэлл так и не сказал, как именно мы покинем Истерну, и я решила на всякий случай подготовить дополнительный путь отхода. Хотя много ли это даст? Даже на полностью заправленном катере мы не уйдем дальше Митоса или все той же Новой Земли. Если здесь для нас уже подготовили «теплый» прием, в тех пунктах назначения будет не лучше.

Я внимательно осматривала рейсовые космические корабли, мимо которых мы проходили. Но ни у одного из них капитан не замедлил шаг. Дальше следовала зона элитных круизных звездолетов. Для побега способ, мягко говоря, странный, хотя затеряться среди туристов, наверное, реально. Да и непредсказуемость в нашем деле скорее плюс, чем минус. Но нет, и эту часть космопорта мы миновали, ни разу не остановившись.

Я следовала за Макнэллом, то и дело поглядывая на свои многофункциональные часы. Здесь, в отличие от открытого космоса, они были подключены к планетарной сети и моментально скачивали все новости. Настроила их на слово «тюрьма», без которого никак не могло обойтись сообщение о нашем побеге. Всякий раз, как это слово фигурировало в ленте, часы оповещали меня тонким непродолжительным гудком. Я вздрагивала, злилась за это сама на себя и давала команду о звуковом прочтении содержащих ключевое слово новостей. Нас они пока не касались. Это радовало, но расслабляться тоже не следовало. В конце концов, власти могли решить не поднимать панику, сообщая гражданам о побеге «особо опасного преступника», профессионального военного, расстрелявшего свою жену из эксплоудера. Так что немного здоровой паранойи в данном случае являло собой нелишнюю предосторожность.

Я как раз прослушивала очередную «бомбу» из информационной ленты и оттого плохо следила за дорогой, когда Макнэлл внезапно остановился. От неожиданности вполне предсказуемо врезалась ему в спину. Легким щелчком поставила часы на паузу, подняла на капитана полувопросительный, полураздраженный взгляд... а затем поняла, что мы пришли.

Пока я отслеживала новости, мы успели добраться до сектора, предназначенного для частных звездолетов. И сейчас, развернувшись на девяносто градусов, я смотрела на один из них. Несмотря на напряженность момента, невольно залюбовалась. Стальной корабль вытянутой формы с закругленной крышей сверкал в лучах уже начавшего опускаться, но еще яркого солнца. По высоте он был сопоставим с трехэтажным домом, хотя о внутреннем разделении на уровни и отсеки оставалось лишь догадываться.

– Чей это корабль? – спросила я, поворачиваясь к Макнэллу.

– Мой, – просто ответил он.

Не могу сказать, чтобы такой ответ явился большой неожиданностью. Первое подозрение посетило меня, когда я получила передачу для капитана из рук его отца. Обнимающие ладони руки, вероятнее всего, означали родительскую любовь, а вот с парусником дело обстояло сложнее. Мне не верилось, что это всего лишь абстрактный символ, знак свободы, мечты или богатства, хотя все эти интерпретации действительно существовали. Такой человек, как Артур Макнэлл, просто обязан был передать сыну более информативные сведения, пусть даже ему пришлось завуалировать их, используя для этого художественные способности жены. А парус-

ник – это ведь корабль, верно? И пусть на Истерне нет морей, зато отсюда регулярно стартуют звездолеты.

Поэтому в данный момент меня куда сильнее занимало другое.

– На чье имя он записан?

И еще – откуда у капитана ВБС деньги на такую игрушку? Но эту мысль предпочла придержать при себе. Впрочем, ответ, который я вскоре получила, внес ясность на этот счет.

– Не на мое, – ухмыльнулся Макнэлл.

Я выжидательно приподняла и вновь опустила брови: дескать, это-то и без слов понятно. Будь корабль официально зарегистрирован на капитана, его бы давным-давно конфисковали. Меня больше беспокоило, не фигурирует ли звездолет в системе как имущество Макнэлла-старшего.

– Это подарок. – Мой спутник не терял времени и, не прерывая беседы, шагал по направлению к овальному входу. Я старалась держаться с ним в ногу. – На мой день рождения. Скинулись тогда практически все – мои родители, друзья и даже экипаж.

Я тихонько присвистнула, снова оглядывая звездолет, на сей раз вблизи. Капитана должны были очень любить и уважать, чтобы так продуктивно скооперироваться, собрав весьма серьезную сумму и проведя все необходимые в таких случаях бюрократические процедуры.

– От меня всю эту историю до последнего держали в тайне, – продолжал рассказ Макнэлл. – Хотели сделать сюрприз. Зарегистрировать корабль на меня без моего личного участия не могли. Так что его временно оформили на одного из членов моего экипажа. Поэтому, строго говоря, транспортное средство принадлежит совершенно другому человеку. Вычислить, что я приду сюда, можно, но только по итогам расследования. Словом, у нас все еще есть шанс на фору. В новостях нас пока не упомянули, верно? – поинтересовался капитан, демонстрируя, что он в курсе тех мер предосторожности, которые я предпринимала по дороге.

– Когда все это произошло? Подарок? – уточнила я.

– Три года назад.

– Три года?!

Удивилась, что за столь внушительный срок корабль так и не был переписан на имя нового хозяина.

– Точнее, два с половиной. – Макнэлл с усмешкой развел руками. – У меня было слишком много полетов на корабле ВБС. На то, чтобы устраивать себе еще и частные круизы, времени не хватало.

– Но ведь все это время официальным хозяином корабля был кто-то другой! Вдруг этот человек захотел бы присвоить имущество себе? Улететь из системы, ни о чем тебя не предупредив? Или даже... – пришедшее в голову предположение заставило выше вздернуть подбородок, – организовать что-нибудь такое, что вынудило бы тебя остаться на Новой Земле заперти и фактически уступить звездолет тому, на чье имя он зарегистрирован формально!

Но Макнэлл, улыбаясь, покачал головой, его мои последние аргументы ни в чем не убедили.

– Я очень хорошо знаю этого человека, – заверил капитан. – От него подобных пакостей можно не ожидать.

– Где же тогда он был, этот человек, пока ты сидел в тюрьме третьей категории? – хмуро спросила я, кажется, испытав укол ревности.

Уж слишком сильно Макнэлл доверял этому своему знакомцу. Со мной же вечно оставался начеку, при этом именно я организовала ему побег. Чуть-чуть обидно.

Настал черед капитана помрачнеть.

– Не знаю, – признался он. – Я получал слишком мало информации. Насколько мне удалось понять, строя выводы из чужих разговоров, желающих навестить меня поначалу было много, но на нижний этаж никого не пропускали. А дальше все как-то... утряслось.

На его лице опять проступили морщины.

Ну, по поводу такого отношения мне, кажется, было чем его успокоить.

– Несколько недель назад ваш корабль, имею в виду «Галалэнд», вылетел на задание. Их возвращение ожидается нескоро, даже не в ближайший месяц. – Я немного помолчала, а затем, подняв глаза, высказала свои выводы. – Твой экипаж не был готов смириться с решением суда. Видимо, они подняли много шума, и в итоге от них попросту решили отделаться, спешно отправив в продолжительный маршрут.

– Все ясно. – Макнэлл смотрел на редкую траву, проросшую на стоянке перед самым трапом, и в душе его, кажется, бушевала буря. В это время он, несомненно, успел передумать много непривлекательного о своем бывшем командовании. – Что же, во всяком случае, вот тебе и ответ: формальный хозяин этого корабля вынужденно отбыл в другую звездную систему на «Галалэнде».

Словно откликнувшись на эти слова, звездолет замигал алыми огоньками, постепенно очертившими овал входной двери. Видимо, бортовой компьютер отреагировал на голос капитана. Бюрократия бюрократией, но корабль, наподобие боевого скакуна, узнавал своего истинного хозяина отнюдь не по документам.

– Ты не мог бы отойти на несколько шагов? – криво улыбнувшись, попросил Макнэлл.

Я пренебрежительно хмыкнула, поздно сообразив, что это вышло излишне по-женски, и с гордым видом отступила, и не на несколько шагов, а на добрую дюжину, тем самым демонстрируя, насколько мне не интересны капитан и его секреты. Однако моего спутника такое показательное выступление ни капли не смутило. Даже не думая извиняться или хоть как-то обосновать свое поведение, он приблизился к кораблю практически вплотную и что-то зашептал. Я фыркнула, однако на самом деле степень моей заинтересованности возросла. Было очевидно, что Макнэлл каким-то образом «отпирает» звездолет; вероятнее всего, произносит комбинацию цифр или иной пароль. Вне всяких сомнений, у законного хозяина существовал и более простой способ попасть внутрь – например, при помощи дистанционного ключа, но в тюрьме арестантам такого рода гаджеты не оставляли.

Автоматическая дверь выдвинулась немного вперед – капитан заблаговременно посторонился – и поднялась вверх. Следуя приглашающему жесту Макнэлла, я зашагала к призывно зияющему проему.

Глава 7

Иллюминаторы здесь, как и на моем катере, отсутствовали, но освещение внутри корабля было отличное благодаря многочисленным плафонам, автоматически включившимся при открытии двери. Лифтовая платформа доставила нас на второй этаж. Ознакомительную экскурсию мне, понятное дело, не устраивали; я лишь успела понять, что служебный отсек располагался внизу, а командный – наверху, и именно туда мы сейчас попали.

Просторное, технологически оснащенное помещение с гладкими стенами было оборудовано четырьмя рабочими местами. Похожие кресла с пристяжными ремнями, четыре идентичных широких экрана встроены прямоугольниками столов. Но были и различия. Кресло пошире других и дополнительный мини-экран предназначались, вероятнее всего, капитану. Самая навороченная сенсорная панель управления, дополненная несколькими рычагами и предметом, более всего напоминавшим игровой джойстик, без сомнения, имела прямое отношение к пилотированию. Следующее место также было оснащено сенсорной панелью, а заодно крупными черными наушниками и серебристой выпуклостью микрофона. Кроме того, сбоку от панели под полупрозрачной крышкой стола виднелись какие-то инструменты и мотки проводов и разноцветных кабелей. Стало быть, предполагалось, что здесь будет работать компьютерщик... Или радист. Или два в одном, учитывая, что в наше время объединение этих функций более чем естественно. Ведь основная часть связи проходит именно через компьютерные системы, к которым имеется доступ на корабле. Что же касается последнего, четвертого места, оно практически пустовало, если не считать базисного оборудования – стол, кресло и готовый к работе экран.

Стоило упомянуть, что в просторной кабине без труда могли поместиться еще человек десять. Вдоль стен размещались еще несколько кресел попроще, однако удобные, с высокими спинками, массивными подлокотниками и надежными ремнями безопасности.

– Какой требуется экипаж, чтобы управлять этим кораблем? – обеспокоенно спросила, наблюдая, как мой спутник опускается – нет, не в капитанское кресло, а на место пилота. – Сколько необходимо народу? – я более точно сформулировала вопрос, в то время как Макнэлл опустил один рычажок и приложил палец к точке на сенсорной панели.

Панель засветилась приятным зеленоватым светом, будто воспрянув к жизни после продолжительного сна.

– По правилам – трое или четверо, – не стал ходить вокруг да около капитан, едва получил возможность оторваться от сенсорных пластин, рычагов и голографических изображений. – Но в исключительной ситуации, каковая в нашем случае как раз и сложилась, справятся и двое.

– Двое? Это как? – Я была совершенно не готова позволить ему заморочить мне голову. Даже обсуждать такой вариант не желала: слишком многое зависело от нашей способности – или неспособности – управиться с кораблем такого уровня. – Я ведь не космонавт и сомневаюсь, что навыки, полученные в университете во время занятий по теоретической астрономии, позволят мне оказать профессиональную помощь нужного уровня.

– Не переживай. – Судя по тону, каким это было сказано, Макнэлл действительно не переживал по данному поводу или как минимум считал его наименьшей нашей проблемой. – Я долго работал на кораблях в разных должностях и смогу справиться с необходимой нагрузкой. Весь спектр работ мне не охватить, но, скажем, функции пилота и радиста я возьму на себя. Ты сможешь помогать по мелочам там, где это будет нужно. Если все системы корабля исправны, какое-то время мы так продержимся. Этого будет достаточно для того, что найти тебе подходящую планету, а мне – пару помощников.

Я подозрительно косилась на своего спутника, мысленно прикидывая, насколько крепка его психика и выдержала ли она все тяготы тюремного заточения, пусть непродолжительного, зато нелегкого.

– Подготовка к старту, – отдал капитан команду бортовому компьютеру.

По экрану побежали строки непонятного для меня текста. Я принялась озираться, прикидывая, какое выбрать кресло, чтобы и Макнэллу не мешать, и момент взлета не пропустить. И тут в левом нижнем углу панели замигало изображение красного прямоугольника.

– Что это?

Капитан выругался сквозь зубы.

– Неполадка одного из двигателей, – сообщил он.

Я застонала, возводя глаза к потолку. Действительно, не могло же все пройти гладко!

– Сможешь починить? – спросила, стараясь не дать выхода эмоциям.

– Я не механик, – процедил Макнэлл, тоже не обрадованный новыми осложнениями. – Мой отец служил механиком, и некоторое время мы летали на одних кораблях, но... должности были разными.

А сейчас Артур был слишком далеко, а главное – весьма вероятно, что за ним уже следили. Помочь нам он никак не сможет.

– Ладно, пойду вниз, попробую сделать что смогу, – буркнул капитан, но оптимизма его слова не прибавляли.

Да и сам он, похоже, не верил, что из этой затеи хоть что-то получится.

Я настолько не разбиралась в механике, что даже не подумала к нему присоединиться. Какой смысл стоять у человека над душой немым укором? Так что, опустившись в одно из кресел у стены, стала ждать. Впрочем, сидела как на иголках. Минут через пять пересела на место, соседствовавшее с пилотским. Еще через пять минут пожалела о том, что не спустилась вниз, и вышла из командного отсека.

Лифтовая платформа, реагирующая то ли на движение, то ли на температуру человеческого тела, плавно поднялась вверх. Я ступила на нее, и вскоре оказалась на первом этаже. Только начала оглядываться, прикидывая, где расположен служебный отсек с двигательной установкой, как обнаружила выходящего оттуда Макнэлла. Вид он имел весьма унылый, что сделало мой последующий вопрос практически бессмысленным.

– Ну как?

Капитан поморщился и покачал головой.

– Выйдем? – предложил он, кивая в направлении автоматической двери.

Я согласилась. Оказаться на воздухе и увидеть траву, проросшую сквозь покрытие взлетного поля, было приятно. Хоть чуть-чуть успокаивало. А ведь по-хорошему стоило, наоборот, сильнее напрячься от невозможности незамедлительно покинуть Истерну.

На металлическом столбе, увенчанном антенной неизвестного мне предназначения, сидела ворона с таким самоуверенным видом, словно исключительно ради нее эту конструкцию здесь и воздвигли. Значительно ниже, прислонившись к столбу, стоял, засунув руки в карманы, мальчишка в зеленом комбинезоне.

– Мне удалось локализовать неисправность, но лишь приблизительно, – сообщил капитан, рассеянно глядя, как я достаю из кармана куртки сигарету и закурываю при помощи мини-зажигалки. – В любом случае толку от этого мало, починить не смогу.

– Ясно. – Я устремила взгляд на проезжавший вдалеке катер, должно быть, готовившийся к взлету. А может, наоборот, только что приземлившийся и направлявшийся теперь к месту парковки. – Будешь? – Протянула капитану еще одну сигарету.

– Не курю. – Он покачал головой, как мне показалось, неодобрительно.

Бог ты мой, какие же мы правильные!

– Надо искать механика. – Я снова посмотрела вдаль, в сторону катера, но тот успел скрыться за чередой ангаров. – В конце концов, это космопорт, их здесь должно быть хоть пруд пруди.

– Хоть пруд пруди – это да, – невесело согласился Макнэлл. – Вот только работы у них в подобных местах, как правило, масса, так что и ждать приходится по многу часов... А то и не один день. Но искать все равно придется.

Я вздохнула, разделяя безрадостный настрой капитана. Стремление к быстрому обслуживанию в нашем случае – не роскошь, а насущная необходимость. Мы не знали, как далеко продвинулась в расследовании полиция, и каждая минута могла оказаться решающей. Вынужденное многочасовое ожидание было смерти подобно... Не исключено, что в буквальном смысле.

– Может быть, стоит подождать сюда мой катер? – предложила я. – Пусть будет для подстраховки, раз уж никто не сможет в ближайшее время починить неисправность.

– Ну, допустим, я смогу, – с независимым видом произнес начисто забытый мною мальчишка, отступая от столба и делая несколько шагов в нашем направлении.

Мы с капитаном одновременно повернули к нему головы. Ой, как я заблуждалась! Впрочем, несложно сделать подобную ошибку на расстоянии, когда солнце светит в лицо, а голова занята совершенно другим. Потому что при ближайшем рассмотрении мальчишка оказался девушкой, притом настолько женственной, что сразу же становилось удивительно: как можно было иметь хоть малейшие сомнения относительно ее пола? Рабочий комбинезон в стиле унисекс не скрывал пышной фигуры. Не по-мальчишески длинные ресницы обрамляли зеленые глаза, вероятнее всего, хамелеоновские, в эту минуту отдающие должное цвету одежды. Чувственные губы чуть пухловаты, но в меру, и точно не накачаны никакой гадостью. Красивый изгиб длинной шеи – и даже мне, невзирая на мою половую принадлежность, обидно, что он заканчивается банальнейшей желтой футболкой и уже упомянутым комбинезоном.

Я покосилась на Макнэлла, но тот, похоже, остался равнодушным к внешним данным незнакомки, заинтересовавшись исключительно профессиональными качествами.

– Вы механик? – строго спросил он, будто проводил интервью в отделе кадров.

Причем на работу в этом отделе принимали процентов десять посетителей, не больше.

– Да. – Девушка ответила уверенно и легко выдержала взгляд капитана. Может, слышала наш разговор, а может, просто в силу характера. – С соответствующим образованием.

– Почему же в таком случае вы не завалены работой до поздней ночи? – продолжал допрос Макнэлл.

Я жала зубы. Нет бы сказать спасибо и поскорее приступить к делу! Но, возможно, он был прав: а вдруг эта барышня – не кто иной как полицейская крыса, наспех переодетая в рабочую одежду?

– А потому что на этом спутнике сплошные шовинисты. – Она пожала плечами, стараясь изобразить безразличие, но острое недовольство все равно ощущалось как в движениях, так и во взгляде. – Считают, что женщина хорошим механиком быть не может.

– А вы – хороший механик? – поинтересовался капитан, по-моему, даже с намеком на улыбку.

– Отличный, – убежденно ответила девушка.

Судя по интонации, она не хвасталась, не пыталась произвести впечатление, не доказывала сама себе нечто сомнительное. Просто констатировала факт.

– Ну хорошо, – решил Макнэлл. – Проблема во втором двигателе, из-за нее корабль не готов к полету. У вас пятнадцать минут, чтобы определить природу неполадки и сообщить, что именно следует предпринять для ее устранения, а также сколько времени это займет. Справитесь?

Девушка-механик лишь фыркнула, после чего нырнула в открытую дверь.

Капитан вошел следом, удостоверился в том, что специалистка нашла дорогу в нужный отсек, и возвратился ко мне.

– А если она что-нибудь испортит? – нахмурилась я.

– Если полезет куда не надо, корабль даст знать, – объяснил Макнэлл.

– А если куда надо, но сделает что-то не то?

Уж коли поддаваться паранойе, то полноценно.

– То этого мы не определим, даже если будем на пару стоять у нее над душой все четверть часа, – философски ответствовал капитан.

И я была вынуждена согласиться.

Дальнейшие раздумья на эту тему прервал гудок многофункциональных часов. Успев о них почти что забыть, я на чистом автомате дала сигнал к прочтению новости. И вскоре механический голос полностью завладел моим вниманием.

«Из южноконтинентальной тюрьмы третьей категории сбежал опасный преступник, – информировала пользователей НЗС новостная лента – Истерна и Митос были подключены к глобальной новоземской сети. – Согласно анонимному источнику это беспрецедентное событие стало возможным благодаря сообщнику преступника, внедрившемуся в службу тюремной охраны. Полиция просит граждан сохранять спокойствие и особенно подчеркивает, что преступник уже покинул Новую Землю, поэтому жителям планеты не о чем тревожиться. По имеющейся у служб безопасности информации, в которой у нас нет причин сомневаться, беглецы отправились на один из населенных спутников Новой Земли, воспользовавшись частным космическим катером. Объявлен план-перехват, и в самое ближайшее время они будут взяты под стражу. Следите за нашими новостями».

Часы замолчали, словно кукушка, честно отсчитавшая отпущенный излишне любопытному путнику срок. Мы с Макнэллом тревожно переглянулись, но ни что-либо сказать, ни тем более сделать не успели. Наше внимание привлекло движение на тянущейся мимо звездолетов дорожке. Высокий темноволосый мужчина уверенной быстрой походкой шагал в направлении нашего корабля. Выглядел брнет довольно-таки импозантно и производил впечатление преуспевающего делового человека, опаздывающего на важную встречу. Вот только короткий шрам у виска немного не вписывался в общую картину, сбивая с толку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.